

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ПОСЛЕДНИЙ
БОГ

ОНА ДОЛГО БЫЛА ИГРУШКОЙ В ЧУЖИХ РУКАХ. НО ПРИШЛО ВРЕМЯ ОБРЕСТИ СВОБОДУ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Последний бог

«ЭКСМО»

2008

Леонтьев А. В.

Последний бог / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2008

Вера Вайнгартен, наследница состояния отца-банкира, в десять лет осталась одна, потеряв все, даже собственное имя. Став взрослой, она решила выяснить правду о том, что случилось с ее родителями. И поняла – Трюффо, управляющий отца, обманом завладел состоянием Вайнгартенов и сейчас живет в свое удовольствие. Девушка попыталась отомстить за погибшую семью, она все продумала и почти добралась до тех, кто был причастен к мошенничеству. Но на ее пути встала некая организация, и Вера оказалась перед выбором: стать шпионкой или погибнуть... Она выполнила много опасных поручений и даже встретила свою любовь – Алекса. Вера признавала, насколько опасна их работа, и все равно смерть любимого стала для нее настоящим шоком. Поэтому девушка сама вызвалась выполнить следующее задание – выйти на след киллера по прозвищу Тор, от руки которого погиб Алекс. Однако как это сделать, если никто и никогда не видел Тора в лицо?

© Леонтьев А. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Тор. 22 ноября 1963 года	5
Вера	17
Вера	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Антон Леонтьев

Последний бог

«Если поставить перед собой цель, убить можно любого».
Фраза, оброненная Джоном Ф. Кеннеди, 35-м президентом США, за считанные часы до смерти, накануне визита в Даллас 22 ноября 1963 года

Тор. 22 ноября 1963 года

«Добро пожаловать в Даллас, мистер Кеннеди», – гласил заголовок на всю страницу свежего выпуска «Даллас морнинг ньюс». Тор пробежал строчки глазами – несмотря на доброжелательное начало, люди, оплатившие появление в газете данного текста, обвиняли президента и его администрацию во всех смертных грехах, в первую очередь в том, что католик, занявший Белый дом, обрек миллионы кубинцев на рабское существование на Острове свободы под ярмом Фиделя Кастро. Ничего удивительного – в Техасе молодого президента не любили. На выборах 1960 года голоса штата отошли сопернику Кеннеди, и это невзирая на тот факт, что в команде будущего президента был сенатор Джонсон, коренной техасец.

Тор свернул газету, отложил ее в сторону и взглянул на часы. Они показывали начало десятого. Президент наверняка еще находится в городке Форт-Ворт, неподалеку от Далласа. Но совсем скоро он прибудет с визитом сюда.

Насвистывая, Тор принялся собираться. Маршрут кортежа президента был напечатан в одной из местных газет – по пути его следования наверняка соберутся люди, чтобы приветствовать президента, его супругу и губернатора штата. Еще бы, Техас во что бы то ни стало желает показать – здесь тоже любят президента Кеннеди.

Тор извлек из платяного шкафа продолговатый кожаный чехол, похожий на тот, в котором транспортируют клюшки для гольфа, осторожно положил его на застеленную кровать, затем бросил взгляд на окно, полузакрытое жалюзи. Тор находился в одном из мотелей на окраине Далласа. Чтобы попасть в центр, туда, где пролегает трасса президентского кортежа, ему потребуется около двадцати минут.

Тор ненавидел спешку. В его профессии она может быть смертельна. Расстегнув чехол, он извлек из него несколько клюшек для гольфа, которые (кто бы мог подумать!) и в самом деле находились там. Однако его занимали не клюшки (в гольф Тор играл весьма посредственно), а две металлические части, соединив которые он получил винтовку особой конструкции, сделанную по спецзаказу одним оружейным мастером, ныне покойным. Тот по праву гордился своим детищем, считая его гениальным изобретением. Тор был полностью с ним согласен – и чтобы мастер не проболтался или случайно не навел на него полицию или Интерпол, он ликвидировал его.

Только в самых крайних случаях Тор прибегал к подобному решению проблем. Ему требовались надежные люди, к которым он мог время от времени обращаться, желая получить превосходные поддельные документы или конфиденциальную информацию. Таких людей – по пальцам пересчитать, и ликвидировать их всех он не мог себе позволить. К сожалению, оружейный мастер был болтлив и пил горькую (и Тор это отлично знал), что, впрочем, не мешало ему быть одним из лучших, а возможно, даже самым лучшим в своей области. Но при склонности старика к выпивке и выбалтыванию известных ему секретов положиться на него было нельзя. Поэтому и пришлось отправить оружейника на тот свет.

Тор сделал все профессионально. Удар по голове в закоулке – и несчастный, ничуть не мучаясь, покинул наш бранный мир. Тор обставил все как разбойное нападение – вытащил у старика кошелек и ключи от мастерской, служившей мастеру заодно и квартирой. Затем тщательно обыскал мастерскую и на всякий случай поджег ее. Как он позднее узнал, полиция не заинтересовалась смертью спившегося инженера, дело практически сразу отправили в архив. А Тору того и требовалось – единственная ниточка, которая могла бы привести полицию к нему, оборвалась.

Он вскинул винтовку и посмотрел в оптический прицел. Оружие не раз отлично послужило ему. Не подведет и сегодня, Тор не сомневался. Он разобрал винтовку и спрятал ее обратно в чехол с клюшками для гольфа. Затем отправился в душ.

Сорок пять минут спустя Тор вышел из комнаты мотеля – на спине у него висел тот самый чехол, лицо скрывала, бросая тень, фетровая шляпа, в руках – небольшой чемодан, на шее – фотоаппарат. Мужчина разительно изменился – волосы стали седыми, над верхней губой возникли усы, на правой щеке – большая волосатая родинка. Тор исходил из того, что после случившегося возникнет стихийная паника. Однако она не помешает полиции опросить случайных свидетелей, которые если и смогут что-то сообщить полицейским, так только описание седого мужчины средних лет с усами и родинкой на щеке. Но и седина, и усы, и родинка исчезнут, едва он окажется в автомобиле и отправится прочь из города.

На стоянке Тор подошел к коричневому «Паккарду», открыл багажник, погрузил в него чемодан. Чехол с клюшками и винтовкой он положил на заднее сиденье и прикрыл клетчатым пледом. Усевшись за руль, Тор вывернул со стоянки мотеля – его путь лежал в центр Далласа.

По радио сообщали о предстоящем визите президента. Тор не имел ничего против Кеннеди, а жена президента ему даже нравилась. Но это никоим образом не помешает ему выполнить то, ради чего он прибыл днем ранее в Техас. Он сделает свою работу и незаметно исчезнет в неизвестном направлении. От него требовалось не так уж много – убить президента.

Тору уже доводилось работать в Америке. Он по праву считал себя космополитом, и все же старушка Европа казалась ему милее. Убийство президента в Далласе наверняка станет событием номер один на многие годы, а то и десятилетия. Последний американский президент, ставший жертвой покушения, был Уильям Мак-Кинли – в 1901 году в него стрелял анархист. Ранение было серьезным, но не опасным для жизни, однако президент все же умер – от сепсиса. Что ж, наступило время продолжить кровавый список.

Главным для Тора были не политические или личностные мотивы, а деньги. Хотя наемным убийцей он стал не только по меркантильным соображениям. Ему нравилось чувствовать неограниченную власть над своими жертвами. Он, как бог, может покарать любого, пускай и самого могущественного человека на свете – американского президента. Именно поэтому много лет назад, в самом начале своей карьеры, он и выбрал этот псевдоним – Тор, в честь гневливого скандинавского бога-молниеметателя.

Ему льстило, что деяние его рук в Далласе даст пищу домыслам, предположениям, теориям заговора, статьям, книгам и кинофильмам. Ведь далеко не всегда выполненная им работа имеет подобный резонанс. В подавляющем большинстве случаев его клиентам требуется минимум паблисити. Очень часто заказчики хотят, чтобы смерть того или иного человека была обставлена как несчастный случай или самоубийство, чтобы не привлекать лишнее внимание.

Тор вспомнил события прошлого августа. Тогда он тоже работал в Америке, только не в Техасе, а в Калифорнии. У него было немного времени, чтобы разработать план, пришлось импровизировать на ходу. Вот уж чего Тор не любил! Однако гонорар, выплаченный ему за убийство известной актрисы, побил все рекорды. Кто бы мог подумать, что смерть позволит несчастной истеричной наркоманке, чья карьера находилась на спаде, превратиться в легенду? Тор видел несколько фильмов с участием крашеной блондинки Мэрилин и был от них не в восторге. И с какой стати ее считают секс-символом целой эпохи?

От Тора хотели, чтобы он инсценировал самоубийство, он так и поступил. Ему было только на руку, что, когда он проник в дом актрисы в Голливуде, та находилась под воздействием наркотиков, которыми увлекалась. Плевым делом было сделать инъекцию в бедро – и Мэрилин заснула навсегда. Прихватив ее интимные дневники, где содержалось слишком много опасной информации, которую актриса собиралась обнародовать на пресс-конференции, Тор покинул Лос-Анджелес.

Ирония судьбы заключалась в том, что одним из любовников Мэрилин был человек, которого ему предстояло лишить жизни сегодня, – президент Соединенных Штатов. Тор, останавливаясь на светофоре, подумал: уж не с ведома ли клана Кеннеди он убил блондинку? Тор никогда не проявлял повышенного интереса к заказчикам, понимая, что это может навредить его работе. И какая ему разница, кто оплатил смерть второразрядной актрисы?

После работы в Голливуде у него было несколько заказов в Европе. И вот снова Америка. Он ничуть не удивился, когда увидел фотографию человека, которого ему предстояло ликвидировать. Кеннеди так Кеннеди – убить можно любого. И все же Тор прекрасно понимал, что отправить на тот свет президента США будет сложно, однако для него не было ничего невозможного. Да, убить можно любого и каждого, но иногда для претворения плана в жизнь (вернее, в смерть) требовалась значительная подготовка, на что уходила уйма времени.

В случае с президентом Кеннеди времени у него не было. Заказчик настаивал на том, чтобы смерть президента имела место при большом стечении народа и была как можно более зрелищной. Ну что ж, желание клиента – закон. Такое требование лишь на руку Тору. Возжелай заказчик инсценировку несчастного случая, потребовалось бы повозиться – еще бы, ведь президента тщательно охраняют, и в Белый дом, к примеру, или в поместье Кеннеди в Новой Англии просто так не проникнешь. Но у каждого имеются свои слабости, и Тор, воспользовавшись ими, сумел бы убить президента и в его резиденции.

А раз сейчас от него хотят получить спектакль, то он его устроит. Вначале Тор думал о грандиозном взрыве, однако потом отменил эту идею. Во-первых, он не любил возиться со взрывчаткой. Всегда существовала вероятность, что откажет часовой механизм, или жертва задержится, или маршрут следования вдруг изменят – и тогда пиши пропало. Во-вторых, никогда не знаешь, погибнет ли жертва или все же останется в живых: в этом отношении взрывчатка ненадежна. И в-третьих, было бы не избежать побочных жертв. Вот уж чего Тор особенно не любил. Он по праву считался профессионалом экстра-класса, а устроить бойню с десятком убитых и сотней раненых может любой сумасшедший террорист.

Поэтому после недолгих раздумий Тор остановил свой выбор на винтовке с оптическим прицелом. Заказчик наверняка останется доволен. А сам Тор получит вторую часть своего гонорара, который превзойдет в два раза сумму, выплаченную ему за устранение актрисы по имени Мэрилин.

Миллион долларов – во столько была оценена жизнь президента.

Единица с шестью нулями приятно волновала воображение Тора. Он время от времени задумывался над тем, чтобы уйти на заслуженный отдых. С миллионом долларов можно себе это позволить. Но Тор прекрасно знал, что дело не только в деньгах – разве в его характере валяться в шезлонге где-нибудь на райском острове, бесцельно убивая время?

Нет, конечно же, он не уйдет на пенсию. По крайней мере, не после смерти президента. Тор считал себя воином, а для воина лучшая смерть – в бою. Впрочем, он не намеревается стать жертвой какого-нибудь полицейского или агента ФБР. Тор знал, что его имя с благоговением и трепетом произносится в определенных кругах. Тор никогда не допускает ошибок. Тор всегда выполняет заказ. От Тора не уйдешь.

Что греха таить, подобные слухи льстили самолюбию Тора. А слухи в его профессии – главное. Он ведь не может дать рекламу в газете, по радио или телевидению, призывая прибегать к его услугам. Но реклама ему, собственно, и не требовалась – уже в течение многих

лет Тор мог позволить себе выбирать заказы. После Далласа он, пожалуй, возьмет краткосрочный отпуск, хотя мог бы заработать еще весьма ощутимую сумму: промышленник из Италии и крупный финансист из Швейцарии настойчиво желают воспользоваться именно его услугами. Но им придется подождать.

Тор заглушил мотор «Паккарда» и осторожно осмотрелся по сторонам. Затем вышел из салона и, прихватив кожаный чехол с ключками, отправился в путь. Через десять минут он был на месте. Тор оказался около расположенного на искусственном возвышении деревянного забора, вокруг которого росли вязы. Оттуда прекрасно просматривалась Элм-стрит – та самая улица, на которую с центральной трассы свернет кортеж президента.

Ему было обещано, что президент поедет в машине с откидным верхом. В худшем случае – если пойдет дождь или будет слишком ветрено – верх будет поднят, однако стекло там обычное, которое не составит труда пробить выстрелом.

До Тора доносились голоса людей, собравшихся на улице, – все они хотели лицезреть президента и его супругу. Люди не имели понятия, что станут свидетелями исторического события. Тор, чьи руки были затянuty перчатками, осторожно потрогал забор. Он побывал тут два раза, чтобы произвести рекогносцировку, и остался доволен. На противоположной стороне улицы находился парк, и там тоже можно было бы устроить засаду, однако тогда он не смог бы так близко подобраться к дороге.

В нескольких десятках метров с правой стороны улица уходила под железнодорожный мост. Тор знал – ему нужно ликвидировать президента еще до того, как «Линкольн» с четой Кеннеди окажется под мостом.

Слева, на перекрестке Хьюстон-стрит и Элм-стрит, возвышалось семиэтажное здание из красного кирпича – склад учебников. Заказчик сообщил Тору, что он не должен волноваться – «козел отпущения» давно найден, и именно на него повесят убийство президента. Тора мало волновали такие детали – к тому времени, когда схватят этого молодчика, который, как ему сказали, кроме всего прочего, жил несколько лет в СССР и был женат на русской, сам-то он будет далеко от Далласа.

Тор вынул из чехла ключку и, будто держа винтовку, положил ее на углубление между двух планок забора. Так и начнется кошмар на улице Вязов¹. Прикрыв левый глаз, Тор представил, что смотрит в оптический прицел. Вот появляется кортеж президента – сначала мотоциклисты, затем лимузин, в котором находится жертва. Палец плавно ложится на курок и...

– Мистер, а вы репортер?

Вопрос застал Тора врасплох. Он дернулся и обернулся – перед ним, засунув палец в рот, стоял мальчуган лет девяти-десяти, рыжеволосый, с конопатым лицом и умными голубыми глазами.

Тор улыбнулся, чувствуя, однако, что ему на мгновение сделалось страшно. Было же обещано, что никто не станет мешать! Откуда только взялся здесь мальчишка?

– Вы собираетесь сделать фотографии мистера президента? – продолжил мальчуган, с восхищением уставившись на фотоаппарат, висевший на груди Тора.

Засунув ключку обратно в чехол и присев на корточки, Тор снял с шеи фотоаппарат и вручил его мальчишке. Никогда не паниковать и не показывать свое волнение – вот основное правило его профессии. Наверняка многие из его так называемых «коллег» принялись бы совершать одну ошибку за другой. Кое-кто вообще прикончил бы мальчишку, опасаясь его как ненужного и опасного свидетеля! Но Тор никогда не совершал убийств больше, чем те, за которые было заплачено.

---

¹ Улица, на которой президент Кеннеди был смертельно ранен, называется по-английски «Elm Street», дословно: «Улица Вязов».

– Ух ты, мистер, какой классный фотоаппарат! И наверняка дорогой! – восхищался ребенок.

Тор потрепал мальчика по рыжим вихрам и спросил:

– Ты здесь один?

– Нет, сэр, с мамой, – ответил мальчишка, вертя фотоаппарат. – Когда я в школе расскажу, что видел президента и настоящий репортерский фотоаппарат, то мне все будут завидовать!

– А почему же ты не в школе? – спросил Тор.

– Сегодня все равно пятница, сэр, – с готовностью пояснил мальчик. – И я был у дантиста. Мама пообещала, что, если я буду вести себя хорошо, мы придем посмотреть на мистера президента. Я вел себя хорошо, хотя мне и сверлили зуб. Хотите посмотреть, сэр?

Не дожидаясь ответа, мальчуган оттянул нижнюю губу и попытался продемонстрировать Тору свою новую пломбу.

– Джек, вот ты где! – услышал Тор женский голос и увидел спешащую к ним даму лет тридцати, в темно-синем платье и шляпке. – Негодник, я обыскала тебя!

– Мама, мистер – настоящий репортер из газеты! – затараторил Джек. – Ты только посмотри, какой у него фотоаппарат!

Мамаша схватила мальчика за руку и принялась извиняться. Тор с улыбкой посмотрел на юного Джека – иногда (только иногда!) он думал о том, что пора обзавестись семьей, жениться, завести пару детишек. Возможно, когда-нибудь он так и сделает. Главное – найти подходящую женщину, но таковой Тор на своем пути еще не встретил.

– Мэм, прошу вас покинуть территорию!

Рядом с Тором возник коренастый мужчина в пропахшем табаком сером костюме. Он продемонстрировал мамаше Джека удостоверение, на которое та уставилась с легким испугом.

– Секретная служба, – пояснил мужчина. – В наши обязанности входит охрана президента и его окружения, мэм. Вы можете принять участие во всеобщем ликовании, однако по другую сторону забора. Это место оцеплено, мэм. Разрешите, я провожу вас.

Он мягко, но настойчиво потеснил мамашу Джека. Тор потрепал малыша по голове и, вытащив из кармана портмоне, извлек оттуда банкноту в один доллар.

– Держи, – вручил он ее онемевшему от счастья ребенку.

Мамаша Джека запротестовала, уверяя, что ее сын не может принять такой дар, но мальчуган проворно спрятал доллар в карман штанишек.

– Будь молодцом и слушайся маму, – сказал Тор.

Джек с готовностью ответил:

– Большое спасибо, сэр! Я никогда не забуду этот день!

– О, я в том и не сомневаюсь, – усмехнулся Тор.

Джек подошел к матери, которая взяла его за руку, затем обернулся и спросил:

– Сэр, а ваша работа будет опубликована в газете?

– Уверяю тебя, малыш, о ней сообщат во всех газетах, – ответил Тор и помахал на прощание Джеку рукой.

Сотрудник секретной службы проводил женщину и сына. Затем мужчина в сером костюме вернулся к Тору и почтительно сказал:

– Все улажено, сэр. Можете не волноваться, больше вас никто не побеспокоит.

– Отлично, – кивнул Тор. То, что мальчика зовут так же, как и президента, которого предстояло убить², он счел хорошим предзнаменованием, хотя вообще-то не был суеверным.

Мужчина исчез.

---

² Джек – производное от имени Джон.

Часы показывали семь минут первого. Самолет президента наверняка уже сел в далласском аэропорту «Лав-Филд». В половине первого президент должен произнести речь в холле «Трейд-Март», расположенном по ту сторону железнодорожного моста, значит, кортеж Кеннеди наверняка уже в пути и окажется около забора примерно в двадцать пять минут первого.

Люди на Элм-стрит громко разговаривали, смеялись, предвкушая визит президента. «Напрасно говорят, – решил Тор, – что Даллас не любит Кеннеди». Наверняка позднее будут утверждать, что не последнюю роль в смерти тридцать пятого президента Соединенных Штатов сыграла мрачная и реакционная атмосфера Далласа, изначально враждебно настроенного по отношению к главе государства. Тор же знал, что мог убить президента и в Вашингтоне, и в Нью-Йорке, и в Хьюстоне. Но так уж получилось, что в этот ноябрьский день он оказался в Далласе.

Появился все тот же тип в мятом сером костюме («Он такой же представитель секретной службы, как я – тибетский монах», – подумал презрительно Тор), доложил:

– Кортеж только что появился на Мейн-стрит и вот-вот свернет на Хьюстон-стрит, а оттуда – к нам. Они немного опаздывают.

Тор только повел головой, и соглядатай исчез. Настало время действовать. Уверенным движением Тор извлек из чехла две металлические части, соединил их – в руках у него возникла винтовка. Оружие было автоматическим: Тор рассчитывал, что ему вполне хватит двух выстрелов, чтобы расправиться с президентом. А скорее всего, будет достаточно и одного выстрела.

По нарастающему гулу Тор понял, что президентский кортеж оказался в поле зрения толпы. Он вскинул винтовку и взглянул в окуляр оптического прицела. Около трассы он заметил человека с любительской кинокамерой. Хм, занятно, момент убийства президента США будет запечатлен на пленку – для истории и потомков, так сказать! Тор был польщен.

Показались мотоциклисты, а за ними и президентский «Линкольн». На повороте автомобиль сбросил скорость – теперь она наверняка не превышала десяти-пятнадцати миль в час. Идеальные условия для стрельбы по движущейся мишени.

У Тора было несколько секунд, чтобы рассмотреть президентский лимузин, который, как ему и обещали, был с откидным верхом. Впереди шофер, а рядом с ним сотрудник секретной службы (конечно, настоящий, в отличие от шута, который крутился у Тора под боком). За ними, на откидных сиденьях, губернатор Техаса Джон Конелли и супруга. И наконец, на заднем сиденье – справа президент Джон Ф. Кеннеди, а слева его супруга Жаклин, в розовом одеянии, с небольшой прелестной шляпкой на головке. Тор видел через оптический прицел большой букет красных роз, лежавший на белом кожаном сиденье между президентом и его женой. Наверняка миссис Кеннеди получила их в аэропорту, когда сошла с трапа.

Палец Тора лег на спусковой крючок. Губернатор повернулся к президенту с каким-то замечанием, от которого улыбка президента сделалась шире. Тор (он много раз проигрывал эту сцену в уме) выстрелил.

Кеннеди схватился обеими руками за горло... на мгновение выпрямился... откинулся на спинку сиденья. Тор остался собой доволен – ранение наверняка смертельное. Однако он должен быть уверен, что президент убит.

Внезапно губернатор Конелли, сидевший перед президентом, вздрогнул и стал заваливаться направо. Тор окаменел – кто-то другой стрелял по президентскому кортежу! Ярость заполнила легкие Тора. Он и так пошел на поводу у заказчика, когда согласился, чтобы некие криминальные личности, выдавая себя за полицейских и представителей секретной службы, толклись около забора, якобы для того, чтобы отгородить Тора от случайных свидетелей. Он, конечно, знал, что имеется некий тип, на которого свалят вину за убийство президента, но заказчик не сказал ему, что этот тип будет стрелять! Или выстрел был произведен не из здания склада учебников, а откуда-то еще? И кроме него, Тора, имеется второй снайпер? Что за черт!

Похоже, заказчик решился играть по собственным правилам, но такого Тор терпеть не мог. Второй стрелок может все испортить!

Тор поймал в перекрестие прицела голову президента и выстрелил второй раз. Ему было прекрасно видно, как череп Кеннеди буквально взорвался с правой стороны – осколки кости, кровь и мозговая масса полетели в разные стороны. Этот выстрел наверняка лишил президента жизни, но Тор никак не мог унять ярость. Он выстрелил еще раз – и промахнулся. Пуля застряла в бордюре!

Тем временем президент повалился на колени Жаклин, которая, казалось, остолбенела. Затем супруга президента (вернее, уже вдова, в чем Тор не сомневался) вскочила на ноги, и если бы не полицейский на мотоцикле, следовавший за кортежем, который весьма бесцеремонно пихнул первую леди обратно, то миссис Кеннеди просто выпрыгнула бы на ходу из лимузина, где находился ее убитый муж-президент.

«Линкольн», набирая скорость, понесся прочь. Многие из находившихся на улице так и не поняли, *что* произошло, зато на лицах других, все же осознавших, *что* же именно случилось, застыли гримасы растерянности, страха и отчаяния. Дело было сделано.

Тор за несколько мгновений разобрал винтовку, сунул ее в мешок и повесил его на спину. Затем убийца президента торопливо покинул место преступления – у него имелись вопросы к типу в сером костюме. Но тот, скатившись вниз по насыпи, уже перебирался через железнодорожные пути. Тор подавил в себе желание застрелить мерзавца. Тот наверняка знал, что имеется еще один снайпер, но ничего не сказал! А ведь это было его, и только его убийство, Тора, но получается, что вмешался какой-то дилетант, из-за которого все едва не пошло намарку.

Тор оказался на Элм-стрит: там царили паника и хаос. Убийца увидел метрах в тридцати Джека, того самого мальчишку, которому подарил доллар, парень громко ревел, прижавшись к испуганной, онемевшей матери. Что ж, мальчуган до конца своих дней запомнит произошедшее, будет еще своим внукам рассказывать о том, как стал свидетелем убийства президента Кеннеди. А вот о том, что беседовал с убийцей и даже получил от него подарок, рыжеволосый тезка покойного президента так никогда и не узнает.

Ускорив шаг, Тор оправился к Мейн-стрит, где находился его «Паккард». Он стремился как можно быстрее покинуть место преступления, не сомневаясь, что полиция, придя в себя от шока, вызванного покушением на президента, перекроет центр.

Выехав за город (там по-прежнему царила осенняя идиллия, как будто все было в порядке, как будто в президента Кеннеди не стреляли, как будто он прибыл на место, где его ждали, и уже начал свое долгожданное выступление), Тор дал волю чувствам. Он несколько раз с силой ударил по рулю и вслух крикнул несколько ругательств. Если бы не второй гореснайпер, то все бы прошло без сучка без задоринки! Вот почему Тор всегда действовал в одиночку: с партнером никогда не знаешь, сумеет ли он выполнить то, что от него требуется.

Тор знал, что не оставит просто так столь грубое вмешательство в свою работу. Он получил задаток в полмиллиона долларов, и сегодня ему должны передать вторую половину гонорара. Он был уверен, что сумеет выбить из заказчика имя того, кто едва не помешал осуществлению всего плана. И еще он потребует компенсацию: пусть заказчик, если хочет остаться в живых, выложит еще пятьсот тысяч. Только тогда они будут квиты.

Когда гнев улетучился, Тор содрал с себя парик, фальшивые усы и родинку и включил радио – комментаторы наперебой кричали о покушении на президента. Джона Кеннеди доставили в расположенный неподалеку Парклэнд-госпиталь, где команда врачей приступила к борьбе за спасение жизни главы государства. Тор поклялся себе: если произойдет чудо и президент выживет (что станет первым провалом Тора за всю его карьеру наемного убийцы), то он лично пристрелит того, кто помешал ему довести до завершения начатое.

Тор услышал позади себя вой полицейской сирены. Взглянув в зеркало заднего вида, он увидел преследовавшую его машину. На мгновение убийце сделалось страшно – неужели его так банально поймают? Нет, за ним не было «хвоста». Но как же полиция напала на его след?

Выехав на обочину, Тор заглушил мотор и вскоре увидел пожилого грузного полицейского, следовавшего к его «Паккарду». Что же делать? Убить копа и пуститься в бега?

– Сэр, вы превысили допустимую скорость по крайней мере на двадцать миль, – раздался сухой голос полицейского.

Тор едва сдержал вздох облегчения и, мгновенно обретя прежнее самообладание, вытащил из бардачка удостоверение сотрудника секретной службы (разумеется, поддельное, но с фотографией, соответствовавшей подлинному облику Тора).

– Офицер, вы наверняка знаете, что в президента Кеннеди только что стреляли, – заявил Тор с апломбом, наблюдая за тем, как полицейский не без трепета изучает его удостоверение. – Я направляюсь по спецзаданию в Лос-Анджелес, чтобы задержать возможных подозреваемых.

Полицейский, вздрогнув, вернул Тору удостоверение и сказал:

– Сэр, не смею вас больше задерживать. Скажу честно, я на прошлых выборах голосовал за Никсона, потому что не люблю демократов. Но никто не смеет поднимать руку на нашего президента!

Тор поблагодарил полицейского и велел ему держать язык за зубами:

– Это – суперсекретная совместная операция ФБР и ЦРУ. Никому не говорите о том, что видели меня, ведь у заговорщиков везде имеются свои люди!

Он едва не потерял голову, едва не совершил роковую ошибку! Полицейский произвел на него впечатление недалекого человека, наверняка он поднимать шум пока не будет. А когда до него дойдет, что тот, кого он остановил за превышение скорости, может, и не был сотрудником секретной службы, будет уже поздно – к тому времени Тор окажется вне пределов Соединенных Штатов.

* * *

Встреча на одном из пирсов в порту Нового Орлеана была назначена на одиннадцать вечера. Тор успел принять ванну и немного вздремнуть (после всякого преступления его неудержимо тянуло в сон), а также сполна насладиться плодами своего труда. Он зря волновался – в половине второго официально объявили о кончине президента Кеннеди в далласском госпитале. Двадцать минут спустя в кинотеатре был арестован подозреваемый в убийстве президента, некий Ли Харви Освальд, а в четверть третьего на борту лайнера № 1 к присяге был приведен новый, тридцать шестой президент США, Линдон Б. Джонсон.

* * *

Тор оказался на пирсе за две минуты до одиннадцати. Его никто не ждал – было пустынно и жутковато. Однако убийца не собирался покидать Новый Орлеан, не получив причитающуюся ему часть гонорара и не выяснив, кто же едва не сорвал порученную ему миссию.

Заслышав шаги, Тор обернулся – и увидел темную фигуру. Мужчина в плаще, с чемоданом в руке подошел к нему.

– Добрый вечер, мистер Тор, – прозвучал тихий голос.

Убийца насторожился – ведь имела же договоренность не называть никаких имен и кличек!

– Кто был еще в Далласе? – начал без предисловий Тор. – Вы обещали, что мне будет предоставлена полная свобода действий. А вместо этого все чуть не пошло крахом!

– Сожалею, мистер Тор, – ответил мужчина, лица которого убийца не видел. – Мне ничего не было известно. Я принес вторую половину вашего гонорара. Как и договаривались – пятьсот тысяч долларов.

Он протянул Тору чемоданчик. Тот заявил:

– Ситуация изменилась! Вы должны мне не пятьсот тысяч, а миллион – в придачу к тому, что уже выплачено. У вас есть ровно сутки, чтобы собрать требуемую сумму.

– Мистер Тор, это противоречит существующей договоренности, – заметил мужчина.

Он на мгновение вышел из тени, и луна осветила его лицо.

– То, что в президента стрелял еще кто-то, тоже не было оговорено, – ехидно откликнулся Тор. – За моей спиной ведется странная игра, что мне не нравится.

– Я должен переговорить со своим поручителем, – ответил мужчина. – Принять решение без него я не имею права. А пока что возьмите полмиллиона, мистер Тор.

И он снова протянул чемоданчик. Тор взял его, ощутив приятную тяжесть – тяжесть полумиллиона долларов.

– Завтра здесь же, в это же время, – сказал Тор. – Советую вам явиться с деньгами, иначе я все равно найду и вас, и вашего хозяина.

– Всего хорошего, мистер Тор, – ровным голосом произнес мужчина и исчез во тьме.

Тор услышал торопливые шаги, затихшие вдали. Почему собеседник столь поспешно удалился? Он воспринял требование об увеличении гонорара так, будто ждал его. Все-таки пятьсот тысяч долларов – сумма немалая.

Тор двинулся в противоположном направлении. Ну что ж, похоже, ему удалось убедить клиента (вернее, пока его представителя) в том, что нужно раскошелиться. Завтра он получит еще один чемоданчик с деньгами и тогда сможет покинуть Новый Орлеан. У Тора была заказана каюта люкс на роскошном лайнере, направлявшемся в Европу.

Внезапно Тор остановился – его пронзила мысль о том, что встреча на пирсе уж очень похожа на инсценировку. А что, если его обманули? Такое уже было несколько раз – после исполнения задания клиент отказывался платить. Но каждый раз Тор получал сполна по договоренности, а кроме того, наказывал обманщика.

Он положил чемоданчик на пирс и склонился над ним. Внутри должно лежать полмиллиона долларов бумажками по сто долларов. Если клиент его надул...

Убийца нажал на кнопку замка, раздался странный щелчок. Тор всегда гордился тем, что умеет принимать верное решение за мгновение. Так было и на сей раз – вместо того чтобы открыть второй замок, Тор со всего размаху швырнул чемоданчик в воду.

Раздался мощный взрыв – над поверхностью Мексиканского залива вспыхнул и погас большой оранжевый шар. В лицо отшатнувшегося Тору полыхнуло жаром от взрывной волны, он потерял равновесие и упал. Шестое чувство не подвело – в чемоданчике вместо денег находилось взрывное устройство. Не швырни он его вовремя в воду, его тело уже разнесло бы в клочья, так что полиция на следующий день нашла бы, возможно, обугленные штиблеты и пару пуговиц, и более ничего.

Тор вскочил на ноги и отряхнулся. Вот, оказывается, как отблагодарил его заказчик за убийство президента! Он не только не пожелал платить оставшиеся пятьсот тысяч, но решил при помощи нехитрого трюка избавиться от киллера.

Вдалеке раздался вой полицейских сирен. Встреча с представителями закона не входила в планы Тора, он ускорил шаг и покинул пирс еще до того, как туда подлетели полицейские автомобили.

Теперь становится понятно, отчего мужчина, передавший ему чемоданчик, так спешил. Опасался, как бы бомба не сработала прежде, чем он сумеет скрыться. Клиент все отлично продумал – сначала суперпрофессионал Тор выполняет задание, а затем суперпрофессионала взрывают, и свидетелей не остается. Пока полиция разберется, что к чему, настанет утро. У

него имеется несколько часов, в течение которых и клиент, и тот, кто вручил смертоносный чемоданчик, будут уверены: Тора разорвало в клочья, когда он, подстегиваемый жадностью, открыл чемоданчик, желая полюбоваться на свой куш. Потом они, конечно, поймут, что Тор остался в живых, но пока у него имеется несравненное преимущество. Как можно скорее он должен найти того, кто передал ему чемоданчик со взрывчаткой.

Тор подошел к пирсу с другой стороны – оттуда пришел неизвестный, с которым он разговаривал. Разумеется, того уже и след простыл, однако откуда ему знать, что Тор никогда не отправляется на встречу с клиентом, не приняв должных мер безопасности.

* * *

– Вот это был взрыв, сэр! – услышал он дребезжащий старческий голос. – Сразу видно, работа мафии!

Тор разглядел в темноте пожилого мужчину с длинной седой бородой – одного из представителей бесчисленного племени бродяг.

– Ты видел автомобиль? – спросил Тор.

Старик, прищипнув губами, ответил:

– Ну а как же, сэр! Вы оказались правы – машина остановилась здесь неподалеку. Из нее вышел мужчина в плаще с чемоданчиком, а затем он вернулся минут через десять – уже без груза. А как только раздался взрыв, рванул с места. Но меня он не заметил, клянусь всем святым! Я был очень осторожен!

Тор почувствовал удовлетворение. Не так-то умны типы, решившие отправить его на тот свет. Что ж, теперь они поплатятся. Тор никогда не прощает покушения на собственную жизнь.

– Номер, – произнес он, глядя на седобородого в упор.

Старик покопался в кармане и вытащил замусоленную рваную бумажку.

– Пока тот субъект отлучался, я записал цифры на номерном знаке, – доложил он. – Наверняка фальшивый, сэр!

– Ты отлично справился с заданием, – кивнул Тор, – и у меня имеется для тебя награда. Купишь себе бутылку-другую хорошего виски.

Бородач, бормоча слова благодарности, потянулся к Тору, а тот неожиданно вонзил ему в грудь нож, да еще повернул его в ране – старик грузно осел на тротуар. «Смерть для него – наилучший выход», – подумал Тор, вытаскивая нож. И бездомный прав – номер наверняка поддельный, что, однако, не мешает ему найти своего несостоявшегося убийцу.

Под утро Тор направился в аэропорт Нового Орлеана. Он все еще не имел понятия, кто подсунул ему чемоданчик со взрывчаткой, но знал, где искать этого человека. Деньги и связи в преступных кругах помогли выйти на след таинственного незнакомца. Он, кстати, не особенно таился, будучи уверенным, что Тор взлетел на воздух.

Мужчина в плаще попросил отвезти себя в аэропорт, и Тор, переговорив с водителем такси, который доставлял его туда, узнал: клиент собирался первым же рейсом в Нью-Йорк. Регистрация уже началась, и скоро должны были объявить посадку.

Тор заметил свое отражение в стеклянной двери и остался доволен – его нельзя узнать. Сейчас он превратился в солидного пожилого господина с седой бородкой клинышком, большим орлиным носом и бородавкой над левым глазом. Так выглядит почтенный профессор колледжа или маститый врач.

Отыскать типа, с которым он встречался на причале, было несложно. Его внешность врезалась Тору в память (он гордился тем, что никогда не забывает лиц, даже если видит всего в течение пары секунд). Субъект был все в том же темном плаще и походил на молодого преуспевающего адвоката – с зачесанными назад темными волосами, серыми глазами и смазливой физиономией. Тор заметил в его руках небольшой плоский «дипломат».

Убийца прошел вслед за мужчиной в зал ожидания и уселся напротив него. Тот развернул газету (на первой полосе, конечно же, весть об убийстве президента) и принялся изучать ее, не обращая никакого внимания на пожилого господина в пальто с каракулевым воротником.

Тор тоже приобрел билет на рейс до Нью-Йорка. Что ж, похоже, поездку в Европу придется отложить. Мало того, что его пытались убить, ему не заплатили полмиллиона долларов! Не то чтобы он пойдет по миру с сумой, если не получит вторую часть своего гонорара, однако договор дороже денег.

Он уже составил план – в Нью-Йорке типа в плаще наверняка будут встречать, значит, придется действовать в самолете. Такого в многолетней практике Тора не было. Он работал в поезде, на круизном лайнере и однажды на фуникулере в Швейцарии, но в воздухе – пока нет.

Пассажиров пригласили пройти на посадку. Не выпуская мужчину из вида, Тор проследовал к самолету. В салоне он поменялся с дамой средних лет местами, заявив, что ему совершенно необходимо сидеть в проходе из-за больного сердца (как одно связано с другим, Тор объяснять не стал, но дама тотчас принялась рассказывать о своей сестре, страдающей грудной жабой). Со своего места он хорошо видел мужчину, тоже сидевшего с краю.

Самолет взлетел. Неожиданно для себя Тор подумал: если их лайнер потерпит крушение, то никто и никогда не узнает, что на его борту находился человек, убивший президента Кеннеди, и тот, кто связан с заказчиком этого преступления.

Соседка Тора, казалось, обладала неистощимым запасом тем для разговора, в особенности когда дело касалось жутких заболеваний. Кажется, в ее семье страдали от чего-либо все. Дама безостановочно лепетала, и Тор, не зная, как заставить ее замолчать, на мгновение даже представил себе, как сует ей под ребро пистолет и спускает курок. Однако огнестрельное оружие пришлось, конечно же, оставить в отеле.

– И только тогда нашего семейного доктора осенило – ведь речь может идти об энцефалите! – воскликнула дама, повествовавшая об очередной ужасающей трагедии с ее троюродной кузиной.

Тор поддакнул, зевнул, а когда посмотрел на кресло интересующего его мужчины, то увидел, что оно пустует. Субъект скрылся за занавеской, которая отделяла кабину пилотов и туалет от салона. Тор понял, что настал его час. Извинившись перед соседкой, он поднялся и направился вслед за мужчиной.

В проходе столкнулся с миловидной стюардессой.

– Сэр, вам придется подождать, – сказала она с улыбкой, – туалет пока занят.

Она скрылась, и Тор нащупал в кармане пальто, под подкладкой, тонкое лезвие. Пронести металлическое оружие на борт было категорически запрещено, однако в его арсенале имелся небольшой кинжал, выполненный из слоновой кости, которым можно было действовать так же хорошо, как и стальным.

Дверь туалета открылась, показался тот самый тип, что передал ему чемоданчик с бомбой. Где-то невдалеке шебуршала чем-то стюардесса, но Тор не обращал на это внимания. Понимая, что мужчина не ожидает нападения, тем более от пожилого субъекта, он толкнул его обратно в кабинку и втиснулся туда сам, закрывая за спиной раздвижную дверь.

– В чем... – начал мужчина, но замолчал, когда кинжал уперся ему в шею.

Тор прошептал:

– Всего одно неверное движение или попытка закричать, и я перережу тебе горло, как свинье. Ну что, ты меня узнал? Я тот, кого тебе поручили убить. Но вам не повезло, я все еще жив и здоров.

Мужчина судорожно сглотнул, лицо его побледнело.

– Я хочу знать, кто за тобой стоит, – произнес Тор. – Если хочешь остаться в живых, рекомендую развязать язык. Ну, я слушаю!

Вместо ответа мужчина нанес сокрушительный удар Тору в солнечное сплетение. Убийца захрипел, рука противника едва не перехватила кинжал. Извернувшись, Тор всадил его в шею мужчине. Тот, издав булькающий звук, сполз по стенке на пол.

В планы Тора не входило убивать этого типа, по крайней мере так быстро. Он ведь не узнал, чьи интересы тот представляет! Кровь толчками выходила из горла темноволосого. Тор попытался нащупать пульс – безрезультатно. Субъект был мертв.

Убийца тщательно вымыл руки и кинжал, стараясь не запачкаться кровью. До посадки оставалось около сорока минут лета. Если повезет, он покинет самолет еще до того, как будет обнаружен труп.

Тор вышел из кабинки и, захлопнув дверь, повернул при помощи кинжала замок. Входя в салон, он увидел поднимающегося ему навстречу господина и предупредил:

– К сожалению, здесь туалет занят. Воспользуйтесь другим.

Затем он приблизился к креслу, которое занимал только что убитый им субъект. Пассажир, сидевший у окна, мирно спал. Тор открыл полку для ручной клади и увидел «дипломат», который, как он прекрасно помнил, держал в руках незнакомец, лежавший теперь в луже крови в туалете.

Тор взял его и направился к своему месту. Говорливая дама, к его большому сожалению, не спала. Завидев Тора, соседка заявила:

– Я так и не завершила историю про свою кузину...

Она не обратила ни малейшего внимания на то, что Тор уходил без «дипломата», а вернулся с ручной кладью. Он положил его на полку над своим сиденьем и опустился в кресло. Болтуня продолжала вещать, вываливая ворох ненужной информации. Тор не спускал глаз с занавески. Произошедшее напоминало ему один из романов Агаты Кристи – убийство происходит на борту самолета, и преступник – один из пассажиров. Полиция тоже будет так рассуждать, и если тело обнаружат до посадки, то их всех передадут в руки представителей закона.

Наконец объявили о необходимости пристегнуть ремни – самолет шел на посадку. Стюардессу не взволновало то, что сиденье, на котором сидел пассажир, сейчас было пусто – в салоне имелось еще несколько незанятых мест. Тор был вынужден слушать болтовню своей соседки, которая нехотая стала разглаживать о крушениях самолетов. Наконец шасси коснулись бетона. Тор одним из первых вскочил и выхватил с полки «дипломат», принадлежавший убитому. Затем, не прощаясь с говорливой соседкой, устремился к выходу и тут увидел стюардессу, стучавшую в дверь уборной...

Из здания аэропорта Ла Гуардиа Тор вышел в новом облике – запершись в кабинке туалета, он снял парик и стер грим. Наверняка труп на борту самолета уже обнаружили, но это его теперь не касается. Он, как всегда, был в перчатках, в полиции окажутся данные фальшивого паспорта и описание человека, на которого подлинный Тор ничуть не походил.

Он расположился в такси и велел отвезти себя в отель «Уолдорф Астория». Там он снял номер и попросил услужливого портье узнать расписание лайнера «Микеланджело». Узнав, что судно придет в Нью-Йорк через день, велел забронировать себе каюту первого класса на имя Джона Н. Паркера. Конечно, Соединенные Штаты он покинет не на теплоходе, а другим образом (хотя тоже водным путем), однако осторожность никогда не помешает.

Оказавшись в номере, Тор вскрыл «дипломат». Как и ожидалось, там обнаружилось много интересного. Он провел несколько часов, пролистывая найденное досье, и теперь знал имя того, кто его нанял. А к тому же понял, для чего потребовалось ликвидировать президента Кеннеди. И эта информация стоила совсем не пятьсот тысяч и даже не миллион, который ему был должен заказчик. Тору стало ясно: это досье может сделать его очень богатым – или стоить ему жизни.

Решив, что начнет действовать, когда окажется в Европе, Тор выехал из отеля под вечер и направился в морской порт, чтобы отплыть в Европу.

Вера

– Добро пожаловать в столицу Социалистической Республики Герцословакия, товарищ Яшке! – Хмурый молодой пограничник, шлепнув в паспорт Веры отметку о въезде, протянул документ женщине. – Желаю вам хорошего времяпрепровождения!

Вера, поблагодарив пограничника по-герцословацки, забрала паспорт и прошла в зал выдачи багажа. Ей приходилось, и не единожды, бывать в странах так называемого социалистического лагеря, и каждый раз сразу же по прибытии ей бросалось в глаза одно и то же – недружелюбные, злые лица пограничников. Однако ей грех жаловаться – ее пропустили! Знай пограничник, зачем она прибыла в столицу Герцословакии Экарест, то наверняка позвал бы на подмогу своих товарищей, которые тотчас заломили бы ей руки и препроводили в одну из знаменитых местных тюрем, в которые, говорят, можно только войти, но никак не выйти оттуда. Во всяком случае, живым.

Багажа (Вера отлично знала это) придется ждать долго. Женщина украдкой раскрыла свой паспорт и посмотрела на последнюю страницу, где красовалась черная печать с гербом Герцословакии и сегодняшней датой – 22 ноября 1963 года.

Затем она посмотрела на первую страницу и увидела собственную фотографию – гримеры постарались вовсю, состарив ее лет на пятнадцать, нацепив лохматый седой парик и очень правдоподобно симитировав увядающую кожу. Еще бы, ведь по паспорту ей сорок шесть лет, она – уроженка города Дрездена и гражданка Германской Демократической Республики Эмма Яшке, профессор Дрезденского университета. Будь у нее другая легенда, со въездом в Герцословакию возникли бы большие проблемы – друзья из социалистического лагеря были здесь желанными гостями, а вот туристы с Запада сразу становились объектом пристального внимания спецслужб. Поэтому и было решено, что Вера, чьим родным языком является немецкий, должна изображать гражданку ГДР, прибывшую с научными целями в столицу балканского «младшего брата».

Наконец заскрипел транспортер, показались первые чемоданы. Вера подхватила свой и направилась к выходу. Ее никто не встречал, но она и так знала, куда следует ехать. Аэропорт Экареста был колоссальным зданием, выстроенным по приказу руководства страны для демонстрации могущества Герцословакии и ее превосходства над странами загнивающего Запада. Стекло, бетон, просторные помещения – и все те же не улыбочивые лица пограничников и служащих. Собственно, зачем столь закрытой стране, как Герцословакия, такой огромный международный аэропорт? Все равно туристов из-за рубежа сюда прибывает не так уж много, в основном из Советского Союза, Польши, ГДР, и только небольшая часть – из Западной Европы или Северной Америки.

Вера вышла из здания аэропорта и отыскала стоянку автобуса, который курсировал между аэропортом и Экарестом. Он оказался забитым под завязку, а следующий должен был прийти только через два часа (и то никто не мог гарантировать, что он не опоздает). Поэтому Вера отправилась к стоянке такси. У нее был забронирован номер в гостинице «Ленинград», самой роскошной и престижной в Экаресте.

Шофер попался неразговорчивый, что Веру вполне устраивало. Она уже два раза бывала в Герцословакии, причем, как и сейчас, оба раза для выполнения задания. Но под видом восточной немки она прилетала сюда впервые – прежде изображала швейцарку и венгерку.

За прошедшие после ее последнего визита два с половиной года (Вера прекрасно помнила, как едва не оказалась в одной из местных тюрем, откуда наверняка не вышла бы живой) в столице Герцословакии многое переменилось. А все потому, что мудрый вождь и бессменный Генеральный секретарь Компартии Герцословакии, маршал Хомучек пытался догнать и перегнать образец для подражания – Советский Союз.

Там, где недавно стояли сельские домишки и паслись коровы, возвышались бетонные монстры, как один похожие друг на друга, – жилища для экарестцев. На память Вере пришли идиллические пейзажи с фотографии дореволюционной Герцословакии, которые ей как-то довелось увидеть в старом издании, и она грустно вздохнула: от страны-курорта мало что осталось, виллы эпохи югендстиля уступили место блочным многоэтажкам, уютные отели у моря исчезли под натиском громадин санаториев и профилакториев для народных масс, некогда поросших девственным лесом склонах гор возникли дымящие трубы фабрик и заводов. Прежняя Герцословакия практически исчезла, уступив место Герцословакии новой, на всех парах устремившейся в светлое коммунистическое будущее.

Прежняя, буржуазная Герцословакия, во главе которой стоял не всемогущий тиран маршал Хомучек, а король из династии Любомировичей, и простой люд которой не преклонялся перед руководящей ролью коммунистической партии, а почитал многочисленных святых и чудотворцев, была излюбленным местом отдыха родителей Веры. Но как же давно это было...

Женщина оторвалась от грустных воспоминаний и уставилась в окно – такси въехало в Экарест.

Чтобы заманивать иностранных туристов (и вытрясать из них конвертируемую валюту, столь необходимую для плановой экономики Герцословакии), руководство государства приняло решение не сносить исторический центр столицы, что, однако, не уберегло его от многочисленных перепланировок и возникновения на берегу Экарест-реки полдюжины высоченных домов-башен, напоминающих высотки в столице Советской России.

Главный город республики сейчас украшали кумачовые стяги, социалистические гербы и помпезные лозунги – всего через шесть дней маршал Хомучек праздновал свой пятьдесят пятый день рождения, и к этому торжественному событию готовилась вся страна. Поэтому, собственно, Веру послали в Экарест именно накануне юбилея – органы госбезопасности были заняты подготовкой чествования «гениального вождя и великого кормчего», и поимка шпионов, как мнимых, так и настоящих, временно пошла на спад.

Шофер остановил свою желтую «Волгу» (как и многое другое, автомобили в Герцословакию ввозили из СССР) около входа в гостиницу «Ленинград». Это было величественное, устремленное ввысь здание из серого кирпича, увенчанное огромным золоченым шпилем, под которым виднелись профили Маркса, Энгельса, Ленина и маршала Хомучека. Вообще-то профилей было пять, но лик Иосифа Сталина стесали в течение одной ночи вскоре после XX съезда Компартии в советской столице.

Щедро расплатившись с шофером – благо герцословацких форинтов у Веры было предостаточно, ведь руководство не жалело для своих сотрудников этих цветных бумажек, – женщина подхватила чемодан и направилась по красной ковровой дорожке к дверям гостиницы. Холл оказался огромным, больше похожим по размерам на железнодорожный вокзал – всюду мрамор, позолота, хрусталь и бронза. Несмотря на помпезность, гостиница больше походила на бордель экстра-класса: слишком аляповато и перегружено деталями. Подавив улыбку, Вера подошла к стойке администратора. И снова пришлось достаточно долго ждать – в Герцословакии явно придерживались принципа: работа не волк, в лес не убежит. Наконец Вера предстала перед дамой лет сорока с небольшим, с рыжими завитыми волосами, двойным подбородком и несколькими золотыми зубами.

– Да, товарищ Яшке, на ваше имя забронирована комната, – сказала администратор, внимательно изучая паспорт Веры, которая не сомневалась, что женщина, как и практически все работники гостиницы, является сотрудницей герцословацкой спецслужбы. Затем дама протянула ключ с латунной биркой, на которой значился номер 2411.

– Прошу! Кстати, предупреждаю: на вашем этаже сегодня горячей воды в связи с технической профилактикой не будет, дадут только послезавтра.

Вера села в лифт, который вознес ее на двадцать четвертый этаж. В номере имелись кровать, небольшой письменный стол, радиоприемник и неизменный портрет товарища Хому-чека на стене. Вера, мечтавшая принять горячий душ, открутив кран и услышав сипение, похожее на хрипы астматика, поняла, что администраторша не шутила – теплой воды не было. Пришлось довольствоваться бодрящим холодным обливанием. Хуже всего, что грим холодной водой практически не смывался, пришлось тереть кожу чуть не докрасна.

Закончив водные процедуры, Вера принялась распаковывать вещи. У нее всего два дня, чтобы осуществить операцию, которая ей поручена. Вспомнился разговор с шефом, который имел место несколько дней назад.

Они встретились в Париже, в небольшом ресторанчике на Елисейских Полях. Их randevu не привлекало внимания – статный седой господин с военной выправкой и молодая красивая темноволосая дама: что тут удивительного?

Шеф, дождавшись, когда принесут заказ, его любимую форель, вынул из внутреннего кармана пиджака конверт и положил его на стол. Вера открыла конверт и вынула несколько фотографий: на них был изображен сутулый мужчина неопределенного возраста, с клочковатой бородой и в старомодных очках, делавших его похожим на филина.

– Итак, твое новое задание, Вера, – произнес шеф, закуривая терпкую сигарету. – На снимках профессор Людослав Цапек, гений в области органической химии, в прошлом году его кандидатура выдвигалась на Нобелевскую премию. Не так давно, по сведениям из надежных источников, ему удалось открыть способ производства необычайно жаростойкого полимера, что, по всей видимости, произведет настоящую революцию в некоторых областях, в том числе в военной промышленности. Кроме того, профессор Цапек занимается разработкой нового вида оружия – по заказу Москвы.

Вера уже догадалась, что от нее потребуется. И не удивилась, когда услышала слова шефа.

– Вся проблема заключается в том, что профессор работает не на нас и наших союзников, а на коммунистов. От тебя требуется узнать способ производства нового полимера. Узнать, раздобыть документацию и доставить мне.

Поймав на себе вопросительный взгляд Веры, шеф продолжил:

– Профессор живет и работает в Экаресте, столице Герцословакии, которая, как ты отлично знаешь, находится под пятой Советов. Опять же из достоверных источников известно, что ученый сейчас трудится над усовершенствованием технологического процесса производства полимера. Этот Цапек отличается некоторыми странностями. По всей видимости, он социопат и страдает массой комплексов, поэтому чрезвычайно редко появляется в лаборатории, руководителем которой номинально считается. Основную работу он ведет у себя на вилле, расположенной под Экарестом, в тщательно охраняемом поселке для представителей тамошней элиты. Проникнуть в лабораторию не сможешь даже ты, она отлично охраняется, а вот загородный дом профессора... Твоя задача заключается в том, чтобы побывать там и переснять на пленку все документы, в первую очередь – имеющие отношение к производству нового полимера. Сразу предупрежу: задание опасное, практически невыполнимое, но именно для таких у нас и имеешься ты, Вера.

Тогда она только сухо улыбнулась, воспринимая слова шефа как комплимент. В их организации для невыполнимых заданий существовало два человека – она и Алекс. Словно читая мысли Веры, шеф добавил:

– Я знаю, что ты в паре с Алексом творишь чудеса, но на сей раз тебе придется действовать одной. Во-первых, женщина вызывает меньше подозрений, а во-вторых, Алекс сейчас на очень важном задании.

Алекс был не только напарником Веры, но и ее любимым. Они познакомились именно здесь, в организации, и практически сразу поняли, что не могут жить друг без друга. Вообще-то организация не одобряла интимных контактов между своими работниками, однако Вера

и Алекс доказали на практике, что имеют право быть вместе – об их совместных операциях ходили легенды.

– Ты отправишься в Экарест, столицу Герцословакии, и приложишь все усилия для того, чтобы завладеть нужной для организации информацией, – продолжил шеф. – Уверен, ты справишься, Вера!

И вот она уже на месте. Впереди два напряженных дня...

Женщина извлекла из чемодана красное вечернее платье, усыпанное блестками, с открытым декольте. Оно никак не походило на облачение унылой работницы университета, прибывшей на торжественную конференцию по филологии, приуроченную к юбилею товарища Теодора Хомучека. Вера взглянула на часы – половина пятого, а прием назначен на восемь. Ничего страшного, если она опоздает, это только привлечет к ней всеобщее внимание. Что ей и требуется.

Без двадцати восемь в холл гостиницы «Ленинград» спустилась молодая прелестная женщина в облегающем переливающимся красном вечернем платье с глубоким декольте. Темные волосы каскадом ниспадали на тонкую спину, а красивое лицо притягивало к себе взгляды. Таинственная незнакомка была в норковом полушубке, в руках держала небольшую сумочку в тон платью. Женщина выглядела явно не по-социалистически и даже, вообще-то, откровенно буржуазно, однако никто в гостинице не удивился ее внешнему виду: тамошний бомонд любил повыделываться, следуя моде растленного Запада.

Вера (а женщиной была именно она) подозвала такси, которое как по мановению волшебной палочки тотчас остановилось перед входом в гостиницу. Усевшись на заднее сиденье, она назвала адрес – дама желала, чтобы ее доставили на проспект маршала Хомучека, центральную и престижную улицу Экареста.

В половине девятого такси остановилось перед одним из социалистических небоскребов из розового камня. Вера направилась к тяжелым стеклянным дверям, которые швейцар распахнул перед ней, – обиталище советских бонз, академиков и деятелей искусства мало чем отличалось от шикарного жилого небоскреба где-нибудь в Америке. Швейцар проводил Веру восхищенным взглядом – он сразу оценил и ее вечернее платье от Баленсиага, и тонкий аромат дорогих духов, и непередаваемую грацию и шарм таинственной гостьи.

На лифте Вера поднялась на последний этаж, где находились апартаменты наиболее выдающихся и влиятельных людей Герцословакии. Едва узорчатые двери бесшумно распахнулись и она шагнула на зеленую дорожку, устлавшую мраморный пол общего коридора, как до женщины долетели ритмы разнузданной запретной музыки – надрывался не то Элвис Пресли, не то Фрэнк Синатра. Простые смертные подобные вещи не слушали, ведь только за обладание пластинкой иностранных исполнителей они могли бы схлопотать «строгача» и получить несколько месяцев исправительных работ за «низкопоклонство перед Западом». Но то, что не дозволено быку, как известно, разрешено Юпитеру – запрет не касался тех, кто его, собственно, и налагал. Вера давно убедилась в том, что во всех социалистических странах, в которых ей довелось побывать (и в СССР, и в ГДР, и в Польше, и в Румынии, и в Венгрии), руководители государства и партии и в первую очередь их отпрыски плевать хотели на коммунистический образ жизни. Они открыто издевались над строгими законами и обитали в особом, недоступном обычным гражданам мире, полном небывалых и по большей части запретных удовольствий, импортированных с Запада. Герцословакия не являлась исключением – в то время как народу внушалось, что лучшие музыканты – местные коллективы, исполняющие народные мелодии или бравурно-патриотические композиции, элита слушала американские и европейские шлягеры.

Вера неспешно прошествовала по коридору с высоким сводчатым потолком, украшенным фресками (только вместо ангелов и херувимов на нее взирали рабочие и колхозницы), и оказалась перед дверью одной из двух квартир, что располагались на последнем этаже социа-

листического небоскреба: слуги народа не любили кучности, предпочитая иметь по соседству максимум одну семью. Разумеется, тоже из «высшего столичного общества».

Вера нажала на золоченую кнопку (она располагалась под бронзовой табличкой, на которой значилось «Министр внешней торговли товарищ Д. Сенкевич»), и дверь тотчас распахнулась. На пороге стояла пожилая дама, облаченная в униформу горничной – белый кружевной фартучек, накрахмаленная наколка в волосах, подобострастный взгляд.

– Добрый вечер, госпожа, – произнесла горничная и поклонилась, пропуская Веру в холл квартиры. Кстати, поясним: у представителей экарестского бомонда в последнее время стало входить в моду титуловать друг друга не «товарищем», а «господином» и «госпожой», как во времена короля, а от прислуги требовали, чтобы та отвечивала поклоны и приседала в реверансах.

Квартира не отличалась ни своими размерами, ни богатой обстановкой от пентхауза в Нью-Йорке с видом на Центральный парк: экарестские сливки общества желали, чтобы их жилища ничем не уступали апартаментам капиталистов. В квартире стоял дым коромыслом – ревела заграничная музыка, перекрываемая женским хохотом и мужскими голосами, а также звоном бокалов и тарелок. Несколько мужчин как по команде повернули голову в сторону Веры и одарили ее плотоядными взорами, а вот женщины, заметив неожиданную грациозную соперницу, недовольно сузили глаза. Господа были облачены кто во что – некоторые в смокинги с галстуками-бабочками, другие – в джинсы и ковбойки, кто-то (видимо, из представителей андеграунда) в странные балахоны. Дамы же все до единой красовались в вечерних туалетах. В воздухе витал аромат парфюма, смешанный с запахом пота. Еще экарестские леди отличались неумным аппетитом в отношении драгоценностей – их груди, шеи и запястья украшали сверкающие камни, более уместные в Алмазном фонде, а не на вечеринке, устроенной сыном министра-коммуниста.

– О, мадам, как же я рад, что вы почтили нас своим присутствием! – раздался сдобный голос, и к Вере устремился шарообразный молодой (впрочем, уже и не очень) человек на коротких ножках в пестром кожаном пиджаке и с цветастым шейным платком, прикрывавшим его тройной подбородок. Субъект сразу же внушил Вере отвращение, однако она с жеманной улыбкой протянула ему правую руку – тип склонился над ней, целуя. Прикосновение его пухлых красных губ было неприятно, однако она не подала виду.

– Меня зовут Илларион Сенкевич. Для вас, мадам, просто Лорик, – заметил он весьма развязно.

Вера окинула Лорика с ног до головы оценивающим взглядом – на вид лет тридцать пять, представитель так называемой «золотой молодежи» Экареста, его отец – министр внешней торговли, собутыльник товарища Хомучека. В то время как родители находятся у Адриатического моря, где предаются отдыху, единственный отпрыск устраивает в их столичной квартире шумные сборища. Об этом Вера узнала еще до прибытия в Экарест, благо что ее организация обладала разветвленной сетью поставщиков информации по всему миру.

Лорик продолжал болтать, осыпая Веру комплиментами. Он представил ее многочисленным гостям, и по мере того, как они переходили из гостиной в зимний сад, а оттуда – в малую столовую, чтобы потом оказаться на одном из трех огромных балконов, рука сына министра внешней торговли, сначала словно случайно оказавшаяся на талии Веры, сползала все ниже и ниже. Прикосновения Лорика были Вере чрезвычайно неприятны, тем более что короткопалая, покрытая черными волосами и увенчанная несколькими золотыми печатками рука была потной, однако женщина с улыбкой выносила неизбежную пытку. В том и заключалась ее работа – выполнять задания организации любым способом. Если потребуется, ей придется даже отправиться в постель с малоприятным наглым типом, однако Вера надеялась, что до этого дело не дойдет.

Молодой Сенкевич же так не думал – хватая один коктейль за другим и опрокидывая их в себя, он становился все более развязным и неумным. Вера изображала на вечеринке французскую жену одного из столичных дипломатов, которого, к счастью, не могли знать лично ни Лорик и никто из присутствующих, потому что он был выдумкой. Однако, выяснив, что к нему в гости пожаловала настоящая западная иностранка, тем более парижанка, к тому же жена влиятельного чиновника МИДа, Лорик не мог отказаться от попытки затащить дамочку в постель.

Вера, вынужденная сносить приставания Лорика, упорно и незаметно выливали один коктейль за другим то под кресло, то в кадку с пальмой, то под диван. Не могла же она, как все остальные гости, вдрызг напиться! А попутно женщина прокручивала в уме информацию, имевшуюся у нее, относительно сына министра внешней торговли.

Помимо того, что он был начальником одного из департаментов в ведомстве своего всемогущего папочки (должность являлась синекурой – Лорик показывался на работе от силы два раза в неделю и всего на несколько часов, получая тем не менее царскую зарплату), отпрыск Сенкевича увлекался горячительными напитками и женским полом. Но самое главное – у семейства министра имелась загородная дача, которая располагалась забор к забору с домом профессора Людослава Цапека. Вера знала, что проникнуть на тщательно охраняемую территорию дачного поселка для элиты очень сложно. «Слуги народа», опасаясь чего-то, скорее всего, именно того самого народа, верой и правдой служить которому было их конституционной обязанностью, отгородились от обычных герцословаков высоченными заборами с колючей проволокой, военными с собаками и пропускными пунктами, охранявшимися солдатами с автоматами. Вера не могла позволить себе рисковать – если бы она попыталась тайно попасть в дачный комплекс, то ее могли бы арестовать, и тогда вся операция оказалась бы под угрозой срыва. Да и герцословаки не стали бы церемониться с иностранной шпионкой. А ведь она была именно таковой!

Поэтому, поразмыслив, Вера решила проникнуть на дачный массив не тайно, а открыто, для чего ей и требовался Лорик. Из досье, которое было собрано на него в организации, следовало, что Сенкевич-младший частенько в отсутствие родителей навещает со своими пассиями, каждый раз новыми, загородный дом, где предается сексуальным утехам. Вере требовалось одно – сделать так, чтобы после вечеринки Лорик отправился с ней на дачу. А уж там она найдет способ проникнуть в дом профессора Цапека.

Пока же ей приходилось развлекать Лорика, следя за тем, чтобы его внимание не заняли другие дамы. Пришлось приложить некоторые усилия – наговорить сыну министра массу комплиментов и даже несколько раз поцеловать его в ушко. Лорик буквально сгорал от нетерпения, и Вере едва удалось отбиться от него, когда он попытался затащить ее в одну из спален, чтобы прямо там «заняться чики-мики».

Первые гости начали отправляться восвояси в начале первого – большая часть нетвердо держалась на ногах и шаталась. Лорик возобновил попытки овладеть Верой прямо на софе под портретом своих родителей в компании с четой Хомучек, и женщине пришлось остудить пыл Лорика, вылив ему за шиворот бокал холодной минеральной воды.

После этого Лорик захрапел на той же софе. Его пиджак распахнулся, шелковая рубашка выбилась из штанов, обнажая большой воронкообразный пуп, притаившийся в черной кустистости. Вера, взяв на себя обязанности хозяйки, выпроваживала гостей одного за другим, и когда старинные часы эпохи барокко, позаимствованные, не иначе, из какого-нибудь музея, пробили половину второго, шикарную квартиру, ставшую больше похожей на хлев, покинул последний гость.

Лорик продолжал громогласно храпеть, распространяя удушливый запах перегара. Вера растолкала его и, пощекотав под тройным подбородком, пропела по-французски:

– Мой доблестный принц, пора вставать! Все гости давно ушли, мы наконец-то остались наедине!

Лорик протер глаза, зевнул, икнул и попытался взгромоздиться на женщину. Та оттолкнула его, шаловливо грозя пальчиком, и указала на одну из комнат, откуда слышался вой пылесоса (прислуга принялась за уборку):

– Не здесь и не сейчас, милый!

– Я отошлю дуру-горничную домой! – заплетаящимся языком произнес Лорик. – Детка, я так хочу тебя, что весь аж дымлюсь. Ну давай, прямо здесь!

Вера, толкая Лорика обратно на софу, гнула свою линию:

– Дорогой, я столько слышала о твоём любовном гнездышке за городом...

– Не хочу туда тащиться, – капризно проскулил Лорик, расстегивая ширинку. – Ну детка, покажи, на что способны истинные парижанки! Давай, наклоняйся!

Вера резко застегнула ширинку Лорика (тот аж взвизгнул) и обиженным тоном воскликнула:

– Нет, я ожидала от тебя совсем другого, Илларион! Ты разочаровал меня! Мне столько рассказывали о твоей сексуальной изобретательности, так красочно описывали уютный загородный дом, в котором у тебя имеется настоящий будуар, а ты принимаешь меня за шлюху, желая сделать все по-быстрому. Прощай!

Она поднялась с дивана и горделиво направилась в холл. Лорик сполз с дивана, хлопнулся об пол и на карачках пополз за Верой.

– Едем, сейчас же едем на дачу! – заявил он. – Господи, что за женщина, у меня никогда такой богини не было... Сейчас же отдам распоряжение!

Вера уселась в золоченое кресло стиля ампир и закурила тонкую ментоловую сигарету в нефритовом мундштуке, презрительно наблюдая за тем, как Лорик суетится, отдает приказания прислуге, матерится и, наконец, хватается трубку стилизованного под старинный телефона, набирает номер и тоном, не терпящим возражений, лает:

– Это Сенкевич. Мне требуется машина через десять минут. Еду на дачу. И не смей опаздывать, иначе будешь возить мешки с куриным навозом!

Шофер появился ровно через десять минут. С красными воспаленными глазами, в съехавшем набекрень галстуке, он появился на пороге квартиры и почтительно доложил, что «машина подана». К тому времени Лорик снова храпел, теперь на унитазе в одном из туалетов. Вера разбудила сына министра и сообщила:

– Птенчик мой, наше авто прибыло. Я вся в нетерпении!

Через двадцать минут они покинули пентхауз и спустились на лифте вниз. Около социального небоскреба их ждал черный лимузин отечественной сборки – некая помесь «Ягуара» и «Волги». Шофер распахнул заднюю дверцу, Вера заняла место на кожаном сиденье. Рядом с ней плюхнулась грузная туша Лорика. Его правая рука потянулась к бару, а левая обхватила талию Веры. Автомобиль тронулся в путь по ночному Экаресту.

По пути Лорик снова возжелал заняться сексом, и Вере стоило больших усилий отсрочить момент соития. Наконец в окна автомобиля ударил свет – они подъехали к пропускному пункту. Шофер доложил, что везет «товарища Сенкевича с сопровождением», и офицер, заглянувший в салон, только ухмыльнулся и отдал честь. Видимо, и правда далеко не в первый раз Лорик посещал дачу родителей с дамой.

Вера по пути не теряла времени, подливая в бокал Лорику виски, смешивая его с текилой и ромом. Сын министра набрался под завязку еще на квартире, однако женщина не переставала удивляться тому, насколько он резистентен по отношению к большому количеству алкоголя. Скорее всего, сказывалась большая практика и гены – папа Лорика гордился тем, что никогда не пьянеет и перепьет любого, в том числе и товарища Хомучека.

Лимузин, проехав еще минут шесть или семь, остановился. Вера услышала, как шофер вышел, чтобы раскрыть ворота. Схватив Лорика за шиворот, женщина скомандовала:

– А теперь, милый мой, на свежий воздух. Тебе надо немного прийти в себя!

– Я в полном порядке, птичка, – заплетаящимся языком ответил Лорик, послушно следуя за Верой.

В лицо женщине ударил свежий морозный воздух. Они находились около витых чугунных ворот, вокруг них в черное небо упирались высоченные сосны. Вера приобняла Лорика, и вместе с сыном министра они направились по дорожке к импозантному четырехэтажному каменному коттеджу, что стоял в глубине огромного участка. Вера бросила взгляд направо и увидела большой деревянный дом, а затем налево – там стояло некое подобие швейцарского шале.

– У вас здесь много известных соседей? – спросила она у Лорика.

– А, все придурки! – заявил тот – Только и знают, что задирать нос. Но все равно мой папая – самый могущественный, он с самим Хомучеком хлещет сливовую водку!

– А профессор, тот самый, что едва Нобелевскую премию не получил, живет здесь? – Вера указала на шале слева.

Лорик икнул и ответил:

– Этот нелюдимый сыч? Нет, справа.

На пороге дачного дома Лорик долго не мог попасть ключом в замочную скважину, ругался и пыхтел. Подоспел шофер, который и открыл дверь. Лорик повернулся к нему:

– Эй, ты! Можешь катиться обратно в Экарест. К двенадцати приедешь и нас заберешь. Нам ведь хватит этого времени, крошка, чтобы славно перепихнуться?

Вера промолчала, оглядываясь по сторонам.

Загородный дом по обстановке не уступал столичной квартире. Лорик первым делом отправился к одному из больших холодильников, из которого извлек запотевшую бутылку водки, которую опустошил на треть прямо из горлышка.

– А теперь я покажу тебе свой уголок пионера! – заявил он громогласно. – И там мы займемся делом! Ух, не терпится наконец попробовать это с парижанкой! А то когда был у вас там и снял себе проститутку, то она оказалась откуда-то из Бретани.

Лорик громогласно расхохотался и потопал по огромной лестнице наверх. Вера, сказав, что хочет приготовить для него сюрприз, задержалась внизу, на кухне.

– О, я люблю сюрпризы, крошка, – игриво захихикал Лорик. – Ну давай, не задерживайся!

Убедившись, что сын министра скрылся, женщина отыскала бутылку мартини, наполнила два бокала, в один из которых бросила две крошечные таблетки из сумочки – те, зашипев, мгновенно растворились. Затем, держа в каждой руке по бокалу, Вера поднялась на последний этаж. Он был оборудован, как заправский публичный дом – обитые малиновым плюшем стены, порнографические картины и фотографии повсюду, тяжелые хрустальные люстры и бра. Женщина ногой отворила дверь – и обнаружила абсолютно голого Лорика, возлежавшего на огромной круглой кровати, застеленной оранжевым шелковым бельем. Сын министра походил на обезьяну, и Вера едва сдержала гримасу отвращения.

– А, притащила выпивку! Отлично! Ну, давай, французская шлюха, приступай к делу. Я ведь вас, баб, знаю, вам всем одно нужно! – пьяно захохотал Лорик.

Вера подошла к кровати и подала отпрыску министра бокал с растворенными таблетками. Произнесла жеманно:

– Мой идальго, сначала подкрепи свои силы, а затем я сделаю все, что ты хочешь!

Уговаривать Лорика не пришлось – он залпом выпил мартини, вырвал из рук Веры второй, отшвырнул на ковер и прорычал:

– О, теперь я чувствую себя настоящим тигром, причем саблезубым. Ты ведь видела мою острозаточенную саблю? Ну, приступим, французочка...

Лорик подмял под себя Веру, заелозил волосатым пузом по ее платью, пытаясь содрать его. В лицо женщине ударили винные пары, вырывавшиеся из рта сына министра. Вера считала секунды – пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... Средство, которое выпил Лорик, должно было подействовать в течение минуты...

Вера попыталась оттолкнуть Лорика, но тот был намного массивнее, хотя и на голову ниже ее.

– Ого, ты что, любишь садомазо и все эти выкрутасы с избиениями и мнимой борьбой? Ну раз так, то щас получишь сполна, распутная тварь!

Лорик со всего размаху ударил Веру по лицу. Но вдруг, уже снова занеся вверх руку, пробормотал:

– Черт, что-то в голове ужасно гудит. Я не... – и мешком повалился на Веру.

Женщина с трудом спихнула с себя Лорика и перевернула его на спину. Тот мирно спал. Это состояние продлится по крайней мере четыре часа, причем разбудить человека, принявшего таблетки, невозможно. Вера ударила подушкой Лорика по его скукожившейся «сабле» и сказала:

– Мой милый джентльмен, ты оказался настоящей сволочью. Так что проспись, а я пока и правда займусь делом.

* * *

Женщина в два счета сняла вечернее платье (Лорик наверняка бы отдал все на свете, дабы лицезреть обнаженную Веру), вытащила из сумочки крошечный пакет, из которого извлекла свернутый тонкий черный костюм и маску с прорезями для глаз. Сын министра тем временем зычно захрапел.

Захватив крошечную фотокамеру и отмычки, Вера спустилась вниз и вышла из дома. Небо было беззвездным, с севера дул холодный ветер. Она пересекла дачный участок и подошла к забору, за которым находился деревянный дом, принадлежавший профессору Цапеку. Перелезть через забор было плевым делом, и через две секунды Вера приземлилась около зарослей облепихи.

Ни одно окно дома профессора не светило – Цапек, Вера точно знала это, находился сейчас в Экаресте. В первой половине дня он делал сообщение на торжественном заседании Академии наук и сейчас, скорее всего, еще спал. А если уже и поднялся, то наверняка начал в очередной раз просматривать свой доклад.

Вера подошла к дому, убедилась, что на табличке значится «член-корреспондент АН Герцословакии, доктор химических наук, профессор Людослав Цапек», и вставила в замочную скважину отмычку. В элитном дачном поселке никто не опасался грабителей или воров, поэтому запоры были простыми, вскрыть их можно было за несколько секунд.

Приоткрыв деревянную дверь, Вера проскользнула в дом и оказалась в холле. Где-то вдалеке тикали часы, и ей отчего-то сделалось не по себе – обитель профессора производила на женщину гнетущее впечатление.

Кабинет Цапека располагался на втором этаже. В ящиках письменного стола она не обнаружила ничего интересного и, продолжив осмотр комнаты, вскоре наткнулась на стенной сейф за портретом товарища Хомучека. Он был старинной конструкции, и с ним пришлось повозиться. Через сорок минут замок наконец легонько щелкнул, и дверца приоткрылась.

Вера в очередной раз прислушалась – ей показалось, что откуда-то донесся не то стон, не то всхлип. Но тут же успокоила себя: наверняка разыгравшееся воображение играет с ней

свои шутки. Или здесь живет привидение? Ерунда, ничто не помешает ей завладеть секретами профессора Цапека!

В сейфе среди массы бумаг нашлась большая бордовая папка с надписью «Зимарин» – так назывался новый полимер, открытый профессором. Возликовав, Вера положила папку на стол, открыла ее и, вынимая листок за листком, принялась фотографировать описание технологических процессов и чертежи.

В папке было около двухсот листов. Пока фотографировала их, Вера не могла отделаться от ощущения, что в доме она не одна. Какой-то странный, еле слышный звук... Дошелкав последние пять страниц, женщина прислушалась. Так и есть, стон! Нет, это не завывание ветра снаружи, и призраки не издают подобных звуков. Да и какие привидения могут быть в доме, выстроенном двадцать с небольшим лет назад? Хотя если учесть, что во время «чисток» сороковых и пятидесятых годов здесь сменилось несколько владельцев, которые один за другим были расстреляны... Но что же такое? Откуда-то снизу долетел глухой удар.

Положив папку в сейф, Вера закрыла дверцу и вышла из кабинета. Задание выполнено, теперь можно возвращаться обратно к Лорику, дожидаться его пробуждения, ехать вместе с ним в Экарест, а оттуда – в Восточный Берлин, из которого она переберется в Берлин Западный.

Но странный шум не давал женщине покоя. Она спустилась на первый этаж и прислушалась. Может быть, его издают животные? Например, крысы. Или, скажем, кошка профессора. Вот, снова!

Ориентируясь по звуку, Вера подошла к большой латунной вешалке, стоявшей около стены, с висевшей на ней картиной, на которой был изображен парусник. Такое впечатление, будто стук идет откуда-то изнутри. Ну конечно же, фальшивая стена!

Вера стала искать кнопку, приводящую в движение панель. Она дотронулась до картинной рамы, провела по ней рукой, нащупала сверху выпуклость и нажала ее. Часть стены плавно отошла в сторону, обнажив металлическую решетку. Вход в подвал. Послышался стук, а затем и стон – никаких сомнений, звуки шли оттуда.

Вера знала: по инструкции организации, она должна покинуть дом и отправиться восвояси. Она сделала нужные фотографии, и то, что происходит в доме профессора, ее не касается. Но, может быть, кому-то внизу требуется помощь?

На решетке, составленной из толстенных металлических штырей, красовался огромный навесной замок. Вскрыв его, Вера толкнула решетку – та противно взвизгнула, и стон, шедший снизу, мгновенно прервался.

Женщина попыталась нащупать на стене выключатель, но ничего не обнаружила и пошла по каменным ступенькам вниз, освещая себе путь крошечным фонариком. Кто знает, что здесь располагается? Быть может, тайная лаборатория, о которой не имеют понятия даже работодатели профессора Цапека. Не исключено, что он трудится еще над каким-то изобретением, и если она прихватит с собой фотографии его чертежей, то шеф, безусловно, будет очень доволен.

Лестница закончилась – Вера оказалась перед большой металлической дверью. Тут нашелся и выключатель. Женщина щелкнула им, и на потолке зажглась большая желтая лампа. Дверь была странная, очень похожая на тюремную – с небольшим зарешеченным окошком посередине. Вера раскрыла его и заглянула внутрь. В помещении было темно, хоть глаз выколи. Тогда женщина, заметив еще один выключатель, нажала на него – свет зажегся и за дверью.

Глазам Веры предстала удивительная картина – квадратная камера с огромной чугунной трубой у самого потолка. Под ней – кровать, застеленная куцом одеялом с бесформенной подушкой. Слева – платяной шкаф и стол с несколькими книгами, стаканчиком, набитым цветными карандашами, и альбомом для рисования посередине. Справа – прикрытый крыш-

кой ночной горшок. Вера заметила движение – под кроватью кто-то был! И этот кто-то прятался от нее!

Дверь была закрыта на три мощных засова и два замка. Справившись с ними, Вера вошла в камеру. Она приблизилась к кровати, присела и тихонько промолвила:

– Не бойтесь меня, я не причиню вам вреда. Вам требуется помощь?

Ответа не последовало. Тогда Вера приподняла простыню, свисавшую с кровати почти до самого пола, и увидела сжавшегося в комок ребенка. Пораженная невиданным зрелищем, женщина воскликнула:

– Что ты здесь делаешь?

Ребенок оторвал от личика ладони.

– С вами его нет? – раздался жалобный голосок.

– Нет, здесь никого, кроме нас, нет! Я тебя не трону, я только хочу тебе помочь! – заверила Вера, протягивая к ребенку руки.

Тот, осмелев, вылез из-под кровати. Это был мальчик лет семи – очень худой, с длинными светлыми волосами и большими голубыми глазами. Он был в грязных белых трусиках, рваной розовой майке и стоптанных шерстяных носочках. Вера схватила с кровати одеяло и завернула ребенка в него, воскликнув:

– Тут же так холодно!

Мальчик, указав на большую трубу над кроватью, сказал:

– Когда он включает отопление, то становится неспособу. Уж лучше пускай будет холодно, чем нестерпимо жарко!

– Кто – он? – задала вопрос Вера, растирая мальчику спину. – И что ты здесь делаешь? Профессор Цапек – твой отец или дедушка?

Ребенок вздрогнул, но ничего не ответил. Ужасная мысль пришла в голову Вере. Она прижала к себе мальчика и, глядя его по волосам, произнесла:

– Как ты оказался в подвале? И как долго ты здесь находишься?

Вместо ответа ребенок начал плакать – именно этот жалобный вой и привлек внимание Веры. Женщина заметила под кроватью алюминиевую ложку и сообразила: мальчик забрался на кровать и стучал ею по трубе.

– Все будет хорошо, – твердила она, прижимая к себе дрожащего ребенка. Наконец мальчик немного успокоился и тихо спросил:

– Вы точно не от него?

– Нет! – воскликнула Вера. Подхватила ребенка на руки и сказала: – А сейчас мы поедем к твоим родителям.

– У меня нет родителей, я воспитывался в детском доме, – сообщил малыш. – А потом появился он. Он сказал, что мне будет у него хорошо, предложил сладости и...

Вера поцеловала ребенка. Неужели «он» – это профессор Цапек? Но что же получается? Один из самых гениальных химиков в мире – ужасный преступник, растлитель малолетних, держащий в подвале загородного дома ребенка? Злость охватила Веру.

– Мы немедленно покидаем это логово! – заявила она.

– Он тогда очень рассердится! – возразил мальчик. – Один из пленников, который был здесь до меня, пытался бежать. И он его убил и закопал в саду. Он показывал мне яму...

– У него были и другие пленники? – ужаснулась Вера.

Еще до того, как ребенок успел что-то ответить, за ее спиной раздался неприятный мужской голос:

– Ну а как же, моя дорогая! Или ты думаешь, что этот сопляк – первый? Нет, он не первый и уж точно не последний!

Вера резко обернулась и увидела в дверях высокого сутулого мужчину с клочковатой бородой – профессора Людослава Цапека. В руках у него был револьвер, нацеленный на Веру

и ребенка. Мальчик издал жалобный звук, и женщина заметила, как под ним образовалась лужица.

– Вы... вы – монстр! – вырвалось у женщины.

– Не тебе читать мне нотации! – криво усмехнулся профессор. – Отвечай: как ты оказалась в моем доме? Надо же, какой сюрприз – я приехал навестить маленького дурачка и обнаружил, что входная дверь открыта и кто-то проник в подвал. Кто ты?

Вера ничего не ответила. Из оружия у нее имелся при себе лишь небольшой нож, который был спрятан за резинкой носка.

– Лучше скажите, что делает здесь ребенок! – возмущенно произнесла она, пытаясь отвлечь внимание профессора. – Вы насильно удерживаете его здесь...

– Никто его насильно не удерживает. Как и тех, кто был здесь до него, – заявил Цапек. – Ну скажи, малыш, тебе ведь у меня нравится? Тебе ведь здесь хорошо?

Ребенок судорожно глотнул и через силу кивнул.

– Ну вот видишь! – заметил удовлетворенно профессор. – Я забочусь о нем, как о собственном сыне. И ему здесь несоизмеримо лучше, чем в детском доме.

Профессор чувствовал себя всемогущим, и Вера знала: она должна действовать быстро, но пока ей не представлялось возможности что-либо сделать.

– Отойди от ребенка и встань к стенке! – приказал Цапек. – Судя по твоему акценту, ты – иностранка. А что могут делать иностранцы на даче такого гениального человека, как я? Только одно – пытаться что-то разнюхать, к примеру секрет зимарина. Меня, кстати, предупреждали, что зарубежные спецслужбы проявляют огромный интерес к моему открытию и к моей персоне. Какая, однако, честь!

Вера, повинувшись приказанию профессора, подошла к стене. Цапек продолжал разглагольствовать:

– Ну и что, твое задание выполнено? Смогла отыскать то, что требуется? Жаль только, что наткнулась на мальчишку в подвале. Так бы отправилась восвояси... Но теперь, западная шпионка, когда ты знаешь мой главный секрет, мне придется убить тебя. В органы я не могу обратиться, сдать тебя им – тогда узнают о ребенке! У меня имеются отличные связи в детском доме, директриса за импортные шмотки и «бабки» поставляет мне симпатичных сироток, а по документам оформляет их как умерших от болезни. Так что буду действовать по привычке и твой труп ночью закопаю в саду...

Ребенок с криком метнулся к Вере, бросаясь ей на шею.

– Не делай ей больно! Она хорошая!

– А ну отойди от нее, маленький мерзавец! – рявкнул Цапек – Живо, не мешай мне целиться!

Воспользовавшись замешательством, Вера извлекла нож и зажала его в руке. Она шепнула ребенку:

– Обещаю, сейчас все закончится. Подойди к кровати и спрячься там.

Малыш подбежал к кровати. Цапек удовлетворенно хмыкнул:

– Так-то лучше, щенок. С тобой я разберусь позже, после того, как расправлюсь с этой...

Он не успел договорить, так как Вера метнула нож – лезвие попало профессору в правое плечо. Цапек взвыл и выронил револьвер. Вера в два счета оказалась около крутящегося юлой профессора и схватила оружие. Химик осел на пол. Заметив в руках Веры огнестрельное оружие, он прошипел:

– Ты не посмеешь причинить мне вред! Иначе тебя схватят, ведь я – народное достояние...

– Вы, профессор, гад и мерзавец, – перебила Вера.

В ушах у нее звенело, до такой степени она ненавидела жалкого бородатого человечка, лежавшего перед ней на полу подвала. За время работы в организации ей приходилось уби-

вать, но исключительно в рамках самообороны. Она никогда бы не выстрелила в безоружного раненого, который умоляет о пощаде, но... Профессор Цапек – исчадие ада! Он заслуживает смерти!

Видимо, эти мысли отразились на ее лице, потому что Цапек, жалобно скуливший на полу, заверещал, став вдруг вежливым:

– Нет, умоляю, не убивайте меня! Я – старый больной человек! Пожалейте!

– Профессор, вы ведь только что спокойно рассуждали о том, как застрелите меня, а потом избавитесь от малыша, – жестко произнесла Вера. – И теперь хотите, чтобы я вас пощадила?

– Я гениален, и вам это известно! – выкрикнул Цапек. – Вам требуется технология изготовления зимарина? И вы ее от меня получите!

– Она у меня есть, – ответила Вера. Чем дольше она оттягивает момент убийства, тем хуже. Всего один выстрел – и монстра не станет.

– В документах указано не все, что требуется! – возразил профессор. – Кроме того, я могу сообщить гораздо больше – о новом химическом и биологическом оружии, я сейчас работаю над ним. И еще веду исследования в области генетики. У меня феноменальная память. Я пригожусь вашим работодателям! Но если вы убьете меня, то потеряете все одним махом!

Заметив, что Вера колеблется, профессор усилил психологическое давление:

– Я готов все рассказать! Переправьте меня на Запад! Я уже давно мечтаю о том, чтобы покинуть Герцословакию, здесь мой талант не ценят!

Вера опустила револьвер, чувствуя, что не сможет застрелить безоружного. А кроме того, профессор Цапек был в самом деле слишком ценным объектом, чтобы избавляться от него.

– Да, я хочу удрать отсюда! Мне надоела уравниловка и торжественные заседания с трескучими речами! – продолжал выкрикивать профессор. – И я знаю, вы мне поможет! Давайте, информируйте свое начальство, оно наверняка даст добро, когда узнает, что такой гениальный человек, как я, решил удрать на Запад. Черт, и помогите же мне встать! Как же болит плечо, и все вы виноваты...

Вера, пропуская его вопли мимо ушей, подошла к малышу и взяла его за руку.

– Ты пойдешь со мной. Дядя больше не сделает тебе больно.

Цапек, с трудом поднявшийся на ноги, обрел прежний апломб:

– Никуда мальчишка с вами не пойдет! Вы что, сдадите его в милицию и скажете, где нашли его? Тогда меня запихнут в тюрьму, и ваше начальство будет очень недовольно. Очень! Мне известны десятки, нет – сотни стратегических секретов! Я много раз был в Советском Союзе, знаю, над чем там работают ученые, и это наверняка чрезвычайно интересно для Запада.

Профессор, понимая, что одержал победу, криво ухмылялся.

– Ну что, уважаемая шпионка, мне вам объяснить, что делать? Давайте топайте, откуда пришли, договаривайтесь с кем надо. Жду ответа в течение сегодняшнего дня. А мальчишка пока останется у меня. Даю торжественное обещание: сопляк обретет свободу, как только я окажусь за границей.

Вера чувствовала себя мерзко – она видела наглую усмешку профессора, заплаканные глаза мальчика и думала о том, как будет ликовать шеф, когда узнает, что Цапек сам просится на Запад. Это будет несомненным успехом организации, ведь профессору действительно известно множество секретов. А что, если поступить так, как ей подсказывает сейчас не разум, а сердце? Ведь Цапек, оказавшись за границей, и там будет удовлетворять свои низменные желания. Застрелить бешеного пса – и дело с концом...

– Но-но, без глупостей! – предупредил профессор, следя за ее лицом. – Если я не появлюсь сегодня на заседании Академии наук, это вызовет переполох. И вам не удастся скрыться из страны, моя дорогая. Так что делайте так, как говорю я. Запишите телефон и позвоните

мне в шесть вечера. Собственно, я заранее знаю ответ вашего начальства. Он будет звучать так: «Да, профессор, мы с радостью поможем вам». Иного и быть не может. А теперь катитесь прочь! Черт, как плечо-то болит... Придется выдумывать историю о несчастном случае на даче.

Профессор, морщась, вытащил из плеча нож.

– Ну и тяжелая у вас рука, моя милая! Что стоите столбом? Идите, выполняйте возложенное на вас поручение. С мальчишкой ничего не случится – мне сейчас уж точно не до него. Я же дал слово чести! Итак, диктую номер...

Покидая подвал, Вера обернулась на мгновение – и увидела крошечную сгорбленную фигурку, завернутую в одеяло, – мальчик вперил взгляд в пол и, казалось, застыл, как статуя. Она ведь предала его! Обещала помочь – и предала! И все потому, что в организации на первом месте всегда идет целесообразность. На втором и третьем, впрочем, тоже. Шеф учил ее, что в их работе нет места чувствам, сотрудник должен выполнить задание, а затем забыть обо всем, как о страшном сне.

Мальчик поднял на Веру взгляд, и женщина поспешно отвернулась. Сможет ли она когда-нибудь забыть его немой укор, мольбу о помощи, страх, что отчетливо читались во взгляде голубых глаз?

– Ну, идите! – прикрикнул на нее профессор Цапек. – И не забудьте – сегодня ровно в шесть!

Вера вернулась в особняк родителей Лорика – сын министра продолжал храпеть на кровати. Когда он продрал глаза, то увидел Веру, сидевшую в кресле. Она о чем-то думала.

– О, дорогая, уже утро? – спросил ее Лорик. – А как прошла ночь?

– Ты был неподражаем! – с деланным восторгом воскликнула Вера. – А теперь я хочу обратно в Экарест.

Прибыв в столицу, Вера использовала для экстренной связи с организацией одного из агентов, находившихся в Герцословакии. Она проинформировала его о том, что профессор Людослав Цапек изъявил желание перебраться на Запад. Ответ, как она и думала, не заставил себя ждать – шеф велел дать профессору гарантии того, что он в течение ближайших дней покинет Герцословакию.

– Что с мальчиком? – спросила Вера профессора, позвонив ему вечером.

Цапек, кашлянув, ответил:

– Боюсь, малыш подцепил какую-то инфекцию. Чувствует себя не очень хорошо.

– Что вы сделали с ним? Вы же обещали! – возмутилась Вера.

– Не все в жизни происходит так, как тебе хочется, – глумливо процедил профессор.

Вера поняла, что Цапек обманул ее. Он наверняка поступит с ребенком так же, как и с предыдущими своими жертвами, – убьет его... Или уже убил. Собственно, почему она чувствует за собой какую-либо вину? Ведь не она, а психопат-профессор виноват в смерти детей. Но самоуговоры не помогали. У нее был шанс устранить Цапек и избавить ребенка от заточения. Но она этим шансом пренебрегла – еще бы, ведь важнее всего выполнить задание и не подставить под удар организацию. Убей она Цапек, наверняка оказалась бы в руках местных спецслужб. А так шеф останется очень доволен – она привезет из Экареста не только нужную информацию, но и поспособствует переправке на Запад гениального ученого, готового к сотрудничеству.

И все же каждый раз, когда Вера закрывала глаза, она видела перед собой сгорбленную фигурку ребенка, завернутого в одеяло. Мальчик поверил ей, а она его предала. Именно это и не давало ей покоя. Но что она могла поделать – убийство Цапек стало бы для нее смертным приговором.

* * *

Через день Вера покинула Экарест и прибыла в Восточный Берлин. Берлин был для нее родным городом, на Унтер-ден-Линден находился особняк, принадлежавший когда-то ее отцу. Затем она перебралась в Западный Берлин, а оттуда на самолете в Швейцарию. Именно там Вера узнала об убийстве в Далласе президента Кеннеди. Новость оставила женщину равнодушной: ее гораздо больше занимала судьба безымянного мальчика, встреченного на даче профессора Цапека.

В Люцерне у организации имелся филиал – он располагался в небольшом красивом особняке, на воротах которого красовалась вывеска: «Экспортно-импортная компания «Salvex». В особняке в самом деле кипела работа – секретарши стучали по клавишам пишущих машинок, приходили и уходили телефаксы, заключались сделки, подписывались контракты, принимались клиенты. Но это был только фасад, за которым скрывалась совсем иная работа. Чтобы сбить с толку любопытных и не возбуждать подозрений, организация и правда занималась экспортно-импортной деятельностью, причем весьма и весьма успешно. Но в подземном бункере, расположенном под зданием, находились секретные архивы и конференц-помещения, куда попасть мог далеко не каждый из тех, кто трудился наверху.

Затормозив перед воротами, Вера набрала шестизначный код – три последние шифры служили сигналом для большого компьютера, новейшего американского изобретения, что был один из «своих». Вера прошла в особняк, где находилась экспортно-импортная компания. Никто – ни секретарши, ни клерки, ни клиенты – не обратили внимания на молодую женщину.

Вера спустилась по лестнице вниз, туда, где располагались подсобные помещения. И там опять остановилась перед дверью с кодовым замком и умело замаскированной в углу камерой. Она ввела код и приложила безымянный палец правой руки к сенсору, после чего дверь бесшумно распахнулась. Ей был открыт доступ на подземный уровень. В кабине лифта Вера снова ввела код и нажала кнопку «–5». Лифт на огромной скорости устремился вниз, и через три секунды она была на месте. Перед тем как выйти из лифта, ей пришлось позволить хитроумному прибору произвести сканирование радужной оболочки левого глаза – только после этого многоступенчатая идентификация была окончательно завершена. Бронированные двери раздвинулись, и женщина шагнула в узкий коридор.

Организация... Вера любит ее и одновременно ненавидит. Последние шесть лет именно организация является ее пристанищем и ее семьей. Насколько она знала, почти все сотрудники, как и сама Вера, не имели близких родственников, а многие (опять же как и она) официально числились мертвыми. Только у шефа была семья, на столе у него всегда стояла фотография блондинки с двумя детьми, мальчиком и девочкой, и с добродушным ньюфаундлендом у ног. Но шеф никогда не говорил о своих родных: наверняка они не знали, чем в действительности занимается муж и отец, считали его работником какого-нибудь министерства или преуспевающим бизнесменом.

Пока Вера шла по коридору, ей встретились несколько сотрудников, с которыми, как это было принято в организации, она обменялась кивками: произносить приветствие считалось дурным тоном. Подойдя к двери кабинета, Вера толкнула ее – она знала, что ее ждут. Она оказалась в большом помещении, где царили полумрак и прохлада. Едва слышно работали кондиционеры, нагнетающие с поверхности свежий воздух.

Шеф сидел за большим письменным столом, просматривая бумаги. Не отрывая от них взгляда, он произнес:

– С приездом, Вера. Ты отлично справилась с заданием. Впрочем, от тебя я другого и не ожидал.

На столе горела яркая лампа. Шеф отложил в сторону бумаги и поднял голову – блеснули стекла очков, Вера уловила на себе внимательный взгляд. Похоже, шеф был чем-то встревожен. Неужели она допустила в Герцословакии какую-то ошибку?

Шеф указал на глубокое кожаное кресло, стоявшее перед столом, и Вера последовала его приглашению. Шеф сцепил руки на животе и сообщил:

– Час назад профессор Цапек прибыл в Грецию. Оттуда он будет переправлен в Америку. Руководство чрезвычайно довольное твоей работой. Цапек – бесценное приобретение. Ведь он гений.

– И убийца детей, – не удержалась от замечания Вера.

Шеф скупой улыбнулся и указал на папку, которую только что просматривал:

– Ты имеешь в виду его нездоровую страсть к мальчикам? Да, ты права, Цапек, вне всяких сомнений, нуждается в лечении. Однако кого это интересует? Он не только согласился выдать все секреты, обладателем которых является, но и готов работать на нас. Вероятнее всего, его гениальность каким-то странным образом связана с его низменными страстями. Так сказать, одно без другого невозможно.

– Значит, Цапек в Америке обеспечат удовлетворение его извращенных желаний? – спросила с омерзением Вера.

– Если от последнего зависят его душевное спокойствие и способность продуктивно работать против Советов, то, безусловно, да, – пояснил шеф.

– Но это же... аморально! И преступно! – воскликнула Вера.

– Такие категории, как мораль и совесть, в нашей профессии неприменимы, – укоризненно глядя на женщину, покачал головой шеф. – Ты же знаешь, Вера, для нас важен только положительный результат. Цель оправдывает средства. Все-таки ты не первый год работаешь в организации и должна была давно уяснить ее основополагающие принципы.

– Но что произошло с мальчиком? – упрямо продолжила тему Вера.

У нее не было ни малейшего желания дискутировать с шефом по поводу основополагающих принципов организации. Ведь она обязана ему жизнью и своим спасением. Шесть с лишним лет назад дав обещание работать на организацию и в случае необходимости рисковать жизнью, она не намеревалась отступать. И все же...

– Какой мальчик, Вера?

– Тот, что находился на даче у Цапека. Я хочу знать, что с ним.

Шеф взял папку, раскрыл ее, пролистал документы и пожал плечами:

– Гм, о мальчике здесь ничего не сказано. Но это совершенно неважно.

Да, то, что человеческая жизнь для организации неважна, Вера поняла с самого начала своей работы на нее. Однако сейчас она закрыла глаза, увидела перед мысленным взором фигурку ребенка, завернутого в одеяло, и мысленно же произнесла: «Я предала его, предала...»

Голос шефа вывел женщину из оцепенения.

– О Цапекe можешь забыть. Гонорар за твою работу плюс солидный бонус за извлечение профессора из-за «железного занавеса» переведен в швейцарский банк, Вера. А теперь о другом...

Шеф, похоже, не понимал или не хотел понимать, что финансовый вопрос ее не волнует. Сколько стоит человеческая жизнь?

Поднявшись из кресла, шеф прошелся по кабинету. Он остановился около абстрактной картины, висевшей на стене, и неожиданно проникновенным тоном спросил:

– Хочешь что-нибудь выпить? Чай, кофе, сок? Или, быть может, что-то покрепче?

Обычно шеф не отличался подобной заботливостью. Вера вежливо отказалась, но шеф заметил:

– Думаю, и тебе, и мне не повредит порция коньяка.

Он нажал кнопку селекторной связи и отдал соответствующее распоряжение. Через минуту в дверь постучали, и, когда шеф подал голос, появился невзрачный молодой человек в черном костюме – он принес на подносе бутылку коньяка и два пузатых бокала. Дождавшись, когда субъект исчезнет, шеф налил в один из бокалов янтарной жидкости и поставил его перед Верой.

– Чтобы отметить успешное окончание операции, больше подошло бы шампанское, – заметила женщина.

Хотя можно ли вести речь об успехе? Она не спасла мальчика, который доверился ей, и обрекла его на, скорее всего, мученическую смерть. Зато помогла попасть в Америку опасному преступнику, который и там продолжит убивать детей. Неужели цель действительно оправдывает средства? Похоже, организация – этаким клуб бездушных людей, для которых самое важное – максимальная прибыль? И она является членом данного клуба...

Шеф положил перед Верой выпуск местной газеты со словами:

– Тебе уже наверняка известно, что 22 ноября в Далласе был убит президент Кеннеди.

– Да, я читала об этом, – ответила Вера.

Она бросила быстрый взгляд на первую полосу – огромные черные буквы, портрет улыбающегося – и еще живого – президента.

– А вчера там же, в Далласе, застрелен некий Ли Харви Освальд, которого считают убийцей Кеннеди. – Шеф положил перед Верой еще одну газету.

– Американцы плохо охраняли главу своего государства, – откликнулась Вера. – И его убийцу тоже.

– Возможно, – усмехнулся шеф. – Однако такова правда жизни: убить можно любого, кем бы он ни был и как бы хорошо ни охранялся. Всегда найдется способ для ликвидации врага. Разрешу себе поведать о том, что произойдет в ближайшие дни и месяцы: новый президент США Линдон Джонсон подпишет указ о создании особой комиссии по расследованию смерти своего предшественника Кеннеди. И комиссия, членами которой станут уважаемые сенаторы и конгрессмены, после детального изучения фактов придет к единодушному выводу, что убийцей является именно Освальд, задумавший и осуществивший свое злодеяние в одиночку.

Налив себе немного коньяка, шеф отхлебнул из бокала и продолжил:

– Однако это не соответствует действительности. Кеннеди убит в результате заговора, в котором замешаны спецслужбы США, мафия, большой бизнес и представители радикальных организаций. В наших кругах не секрет, что некоторое время назад был создан особый комитет по ликвидации президента Кеннеди – некое подобие супермощной преступной организации из романов столь почитаемого мной Йена Флеминга. Самоуверенный католик Кеннеди наверняка снова победил бы на следующих президентских выборах и таким образом определял бы политику США до начала 1969 года, мешал бы многим, в том числе и некоторым людям в своем ближайшем окружении. Не буду утомлять тебя подробностями, но на Кеннеди имелся, как говорится, большой зуб и из-за его борьбы с организованной преступностью, и из-за его желания вывести как можно быстрее американские войска из Вьетнама, что, разумеется, невыгодно военным концернам. Да и его политические шашни с коммунистами в Москве и Гаване внушали трепет американским патриотам, которые уже начали опасаться, что главный враг находится вовсе не в Кремле или на Острове свободы, а сидит в Белом доме. А кое-кто в демократической партии считает, что клан Кеннеди и так получил слишком большую власть, ведь может статься, что младший брат президента, нынешний министр юстиции Роберт, захотел бы пойти по стопам Джона и занять кресло президента через пять лет. Это стало бы крушением надежд многих честолюбцев.

Шеф выдержал паузу, а затем добавил:

– Но со смертью президента все изменится. И если сейчас перемен пока еще не видно, то они станут заметны в ближайшее время. Правду об убийстве Кеннеди, конечно же, никогда официально не объявят. Зачем попусту тревожить народ?

– Так кто же его убил на самом деле? – спросила Вера, заинтригованная рассказом шефа. – Неужели наша организация?

– Нет, наша организация не имеет к смерти президента ни малейшего отношения, – хмыкнул шеф. – Его застрелил наемный убийца по кличке Тор.

– Тор! – выдохнула Вера. – Но ведь ходили слухи, что он пропал без вести или даже умер...

– Ну да, слухи ходили. А распустил их он сам, что позволило ему на время затаиться и скрыться от врагов, которых у него немало, – пояснил шеф. – Тор, как ты знаешь, считается самым изворотливым и опасным убийцей на свете: он занимается кровавым промыслом, по крайней мере, лет двадцать пять и за это время не потерпел ни одной неудачи. Его репутация поистине легендарна, поэтому немудрено, что люди, которые желали убрать с мировой политической сцены президента Кеннеди, обратились именно к Тору. Однако одновременно они прибегли и к услугам организации...

Вера вопросительно посмотрела на шефа. Тот поставил пустой бокал на стол и сказал:

– Те, кто ангажировал Тора, хотели действовать наверняка. Поэтому в президента стрелял не он один, но и еще какой-то снайпер – именно он ранил губернатора Конелли, ехавшего в одной машине с Кеннеди. А Ли Харви Освальд стал козлом отпущения – он ни в кого не стрелял и вообще в момент покушения находился хоть и в здании библиотечного склада, но не на шестом этаже у окна с винтовкой, а внизу. Освальда презентовали всему миру как убийцу-одиночку, а затем ликвидировали, чтобы он не мог разболтать лишнего и доказать свою невиновность. Тот, кто убил Освальда, тоже в ближайшее время уйдет в мир теней – скорее всего, от какой-нибудь внезапной болезни. Но вернемся к Тору... Он был в бешенстве, когда понял, что действовал не один. Он же любит делать все без помощников, а тут его плану чуть было не помешали. Киллер потребовал непомерную сумму в качестве компенсации! Тор получил до начала операции задаток в пятьсот тысяч, другие пятьсот тысяч он должен был получить после убийства. Но заказчики приняли решение убрать Тора.

– Рискну предположить, что ничего у них не вышло, – подала голос Вера – Тор слишком хитер и изворотлив. С ним никому не справиться.

– Ты права, – кивнул шеф. – Но дело в том, что убрать Тора было поручено нашей организации, а именно ее самому блестящему агенту. Таковых в организации два – ты и Алекс. В тот момент ты находилась в Герцословакии, поэтому...

Вера почувствовала, как у нее засосало под ложечкой. Значит, вот на каком спецзадании был Алекс!

– Поэтому я принял решение отправить Алекса в Новый Орлеан, где в его обязанности входило уничтожить Тора.

Шеф снял очки и отвернулся. Воцарилась тягостная пауза. Вера боялась нарушить ее, потому что догадывалась... потому что не хотела и думать... потому что все еще надеялась...

– Алекс знал, на что идет и кто будет его противником, – изрек наконец шеф. – Он сам рвался в бой.

«Господи, Алекс! Он ведь упрям, как мальчишка, – подумала Вера. – И так же самоуверен».

– Тор в очередной раз подтвердил свою репутацию лучшего наемного убийцы в мире, – продолжал шеф, водружая очки на нос. – Сначала все, и я в том числе, думали, что план сработал и с Тором покончено. Но потом... В туалете самолета, следовавшего рейсом из Нового Орлеана в Нью-Йорк, был найден труп мужчины. И им, увы, оказался вовсе не Тор, а...

Шеф снова сделал паузу. Вера, окаменев, смотрела прямо перед собой. Руки впились в подлокотники кресла. Алекс... Не может быть! Нет, только не Алекс! Он не мог умереть! Никак не мог!

– Им оказался Алекс, – произнес тихо шеф. – Нет никаких сомнений в том, что его убил Тор. Он не погиб в Новом Орлеане, а каким-то непостижимым образом вышел на след Алекса, выследил его и настиг в самолете.

Шеф говорил внешне спокойно, и Вере на какое-то мгновение показалось, что все происходящее – ночной кошмар. Сейчас она проснется, вся в поту, дрожа, и выяснится: никакого разговора не было, и Алекс, конечно же, жив.

– Мне очень тяжело говорить об этом, – добавил шеф. – Алекс наряду с тобой, Вера, был лучшим агентом организации. Мы понесли невосполнимую утрату. Но, помимо прочего, я знаю, что Алекс значил для тебя очень много. Мои соболезнования...

Фразы звучали сухо, однако шеф никогда не был склонен к эмоциональным всплескам. И все же, заметив, как шеф прячет глаза, уловив дрожь в его голосе, Вера поняла – смерть Алекса на него чрезвычайно повлияла.

Но как быть ей? Ведь она любила... нет, все еще, несмотря на недавнюю размолвку, любит Алекса. Три дня назад тот был жив и невредим, она виделась с ним... Всего на пару дней улетела за границу на задание, а вернулась, чтобы узнать: Алекс убит!

– Понимаю, что столь печальная весть стала для тебя подлинным шоком, – сказал после долгой паузы шеф. – Я и сам никак не могу прийти в себя. И виню в произошедшем исключительно себя – если бы организация не приняла заказ на устранение Тора...

Когда Вера заговорила, собственный голос показался ей чужим:

– Организация берется за выполнение любого задания, шеф, это наш девиз. Вы не могли отказаться, и вашей вины в произошедшем, конечно же, нет. На месте Алекса мог бы оказаться каждый. К примеру, я сама...

– Да, это так. – Шеф усталым жестом снял очки, и Вере на мгновение показалось, что в его глазах блеснули слезы. Шеф выражает эмоции? Быть того не может!

А шеф быстро поднялся с кресла и повернулся к Вере спиной. Он наверняка не хочет, чтобы она видела его секундную слабость. Женщина сжала кулаки – она тоже не расплатится! Но привыкнет ли она когда-нибудь к мысли о том, что Алекса больше нет?

Высморкавшись в большой клетчатый платок, шеф надел очки и повернулся к Вере.

– Ты знаешь, что каждый, кто убьет агента организации, подлежит уничтожению. Таков наш неписанный закон. Время от времени мы теряем одного из наших людей, но убийца всегда получает по заслугам. Не вижу, почему на сей раз должно быть по-другому, Вера.

– Что известно о наемном убийце, о Торе? – перебила его она. – Как его найти? Где его логово?

Шеф вздохнул:

– В том-то и заключается самое сложное. Тор неуловим. Никто не знает его подлинного имени, у него имеется масса паспортов различных государств. Он мастерски меняет внешность, и как Тор выглядит на самом деле, неизвестно. Судя по всему, он обитает где-то в Западной Европе, однако задания он выполняет по всему миру. Тор – самый высокооплачиваемый киллер, самый безжалостный и самый хитрый. О нем известно только то, что он, без сомнения, мужчина. Возраст – между сорока пятью и пятьюдесятью. Убийствами он занимается больше двадцати лет, с сороковых годов. Ходят слухи, что он был связан с нацистами, но толком ничего не известно. Все заказы он выполнил, не допустив ни единой осечки. А ты наверняка знаешь, как это сложно! Даже в нашей организации квота осуществленных заданий составляет семьдесят восемь процентов. У Тора же – ровно сто! Он одинаково хорошо владеет огнестрельным и холодным оружием, а также восточными боевыми искусствами. Отлично разбирается во взрывчатке и в ядах, является знатоком изобразительного искусства. Говорят, что он вла-

деет многими шедеврами, которые находятся где-то в его логове. Не исключено, впрочем, что у Тора несколько резиденций по всему миру. Вот, собственно, и все. Ни у кого нет ни фотографии, ни отпечатков пальцев Тора.

– Человек-фантом... – пробормотала Вера, стараясь не думать о смерти Алекса. Она даст волю чувствам, когда окажется в одиночестве, но только не сейчас, не в кабинете шефа!

– Отыскать Тора будет невероятно сложно, – продолжал шеф. – Тем более сейчас, когда он знает: на него открыт сезон охоты. Это значит – Тор начеку. И скорее всего, попытается нанести новый удар. Так что с учетом сложившейся ситуации я даже не знаю, имею ли я право говорить, Вера, но...

Он смолк. Женщина взглянула на шефа.

– Вы хотите, чтобы я отыскала его, ведь так? И не просто отыскала, но и убила?

– Ты – единственная, кто в состоянии справиться с таким заданием, – кивнул шеф. – Тем более я знаю, как дорог был для тебя Алекс. Но если ты откажешься, я не стану настаивать. Ты заслужила длительный отпуск. Я поручу одному из наших агентов...

– Искать Тора буду я, – перебив, медленно, с расстановкой произнесла Вера. – И даю вам слово, шеф, что обязательно отыщу его. Живого или мертвого. И он поплатится за смерть Алекса. Обязательно поплатится.

Слова давались Вере нелегко. Шеф подошел к ней и впервые за все годы, которые она знала его, положил ей на плечо руку. Его ладонь была мягкой и теплой.

– Я знал: ты не захочешь, чтобы задание отдали кому-то другому, Вера. Однако боюсь... Видишь ли, организация не может себе позволить после Алекса лишиться и тебя, Вера. Я говорю совершенно серьезно...

– Вам не стоит беспокоиться, шеф, – снова перебила Вера. – Я вступаю в игру, чтобы победить. Кто будет знать о том, что я разыскиваю Тора?

– Только два человека – ты и я, – ответил шеф.

– Он, как вы верно сказали, начеку, потому что понимает – за убийство агента организации его попытаются вычислить и убить. Но Тор не в курсе, что по его следу идет женщина. Он будет исходить из того, что на него охотится мужчина, ведь агентов-женщин практически нет. Сработает фактор неожиданности, шеф.

– Ты совершенно права. Но у нас в организации имеются еще две женщины-агента. Как ты отнесешься к тому, чтобы одна из них занялась поисками Тора?

– Нет! – возвысила голос Вера. – Я хочу все сделать сама, шеф! Я знаю, организация не одобряет, если к делу примешиваются личные мотивы и в особенности чувства, но Алекс...

– Ты не должна мне ничего объяснять, – остановил ее шеф. – Алекс был для меня как сын. А ты, Вера, для меня как дочь. Имею ли я право подвергать тебя смертельной опасности, посылая по следу Тора?

– Шеф, любое задание, которое я выполняю, точно так же может закончиться смертью, – заявила Вера. – Чувства и эмоции в данном случае не будут помехой, они только помогут мне удачно справиться с делом. Насколько я понимаю, этот Тор – очень опасный противник, но я сделаю все возможное и невозможное, чтобы победить. Можете мне поверить, шеф, я разыщу Тора. И он поплатится за смерть Алекса!

– Узнаю прежнюю Веру. – Рука шефа исчезла с ее плеча. – В твоём распоряжении весь бюджет организации и все ее возможности. Понимаю, что тебе потребуется первая зацепка. Но в отношении Тора мы особой информацией не обладаем. Два-три человека, которые видели его настоящее лицо или знали, где располагается одна из его берлог, мертвы. И все же имеется кое-кто, поддерживающий с Тором контакт. Киллер ведь никогда не общается с заказчиком напрямую, только через посредников. Так было и в случае с убийством президента Кеннеди.

– А кто нанял Тора для уничтожения президента? – спросила Вера.

– Думаю, над этой загадкой историки и приверженцы теории заговора будут биться и через пятьдесят, и через сто лет, – усмехнулся шеф. – Увы, я тоже не располагаю информацией. Решение, насколько мне известно, было принято не одной-единственной персоной, а, так сказать, коллегиально упомянутым мною комитетом по устранению президента Кеннеди. Так что этот след для нас не представляет интереса – ни один из организаторов убийства президента с Тором лично не общался. Вот, смотри...

Шеф нажал на скрытую кнопку под крышкой стола, и одна из стен отодвинулась, обнажая нишу с кинопроектором. На противоположной стене с тихим шелестом развернулся рулон с экраном. Шеф потушил свет, и кинопроектор застрекотал. Вера увидела невысокого полного мужчину лет под шестьдесят, с большими черными усами и неестественно темными волосами – он сидел в кафе, выходил из автомобиля, с кем-то разговаривал.

– Гастон Беранже, аферист и фальшивомонетчик, – комментировал шеф. – Обитает здесь, в Швейцарии, в Лугано. По надежным сведениям, именно он являлся связующим звеном между Тором и заказчиками убийства президента. Беранже пока жив, значит, может дать информацию, которая, не исключено, выведет тебя на след Тора. Но действовать надо чрезвычайно осторожно.

Вера всмотрелась в лицо афериста Беранже – бегающие глазки, хитрая улыбка. Тип производил отталкивающее впечатление.

– На данный момент он единственная ниточка, ведущая к Тору, – добавил шеф. – Я постараюсь узнать о Торе больше, однако боюсь, это просто невозможно. Он прилагает все усилия, чтобы остаться в тени.

– Но ведь он находится где-то там, на поверхности, под солнцем, – усмехнулась Вера, указывая на потолок кабинета. – Как бы Тор ни старался скрыться, у него не получится уйти от меня. Он ведь живет среди людей и вынужден общаться с ними, хотя бы для того, чтобы получать новые документы, новое оружие или информацию об очередной жертве. Устранить всех, с кем связан, Тор не может, иначе выдал бы себя с головой. А значит, все же имеется шанс отыскать его. И я намерена воспользоваться этим шансом, шеф.

– Ни одно из заданий не вызывало у меня таких противоречивых чувств, – вздохнул шеф. – С одной стороны, я прекрасно понимаю, что организация должна найти и обезвредить Тора, но с другой стороны...

– Не волнуйтесь, шеф, – улыбнулась Вера. И сразу лицо ее посуровело. – На его совести Алекс. Вот что придаст мне сил. Я не останавлиюсь, пока не найду Тора.

– Я знал, что ты согласишься, – снова вздохнул шеф. – Остается только надеяться, что мне не придется упрекать себя в том, что вовлек тебя в эту историю.

– Если бы вы и не попросили меня заняться поисками Тора, я начала бы их сама, узнав о гибели Алекса, – ответила Вера. И вдруг спросила: – Как он умер? Алекс не мучился?

– Ты не должна... – начал было шеф и замолчал. Затем, включив свет, все же ответил на вопрос: – Тор славится тем, что убивает быстро. Он, надо отдать ему должное, профессионал экстра-класса в науке смерти. Могу тебя уверить – Алекс умер мгновенно. У него не было ни малейшего шанса спастись.

Вера закрыла глаза, представляя себе улыбку Алекса, его серые глаза, его мускулистое тело. Все осталось в прошлом – навсегда! И виноват только один человек – Тор.

– Пообещай мне, что не станешь попусту рисковать своей жизнью, – вновь заговорил шеф. – Я оставлю в стороне собственные чувства и скажу исключительно прагматично: ты нужна организации. Смерть Алекса – и так уже чрезвычайно серьезная потеря. Но если что-то случится с тобой, Вера... – Голос шефа на мгновение (всего на мгновение!) дрогнул.

«Он переживает за меня», – подумала Вера и не дала шефу закончить фразу.

– Вы же знаете, что любое задание, в том числе и то, которое я выполнила на днях, могло закончиться моей смертью, – повторила женщина уже произносившийся ею довод. – Я буду

очень осторожна. На моей стороне фактор неожиданности. Ведь я знаю о Торе, а он обо мне – нет.

– Когда ты намерена приступить к выполнению этого экстраординарного задания? – спросил шеф. – Предлагаю тебе несколько дней отпуска, чтобы прийти в себя, расслабиться, тем более что след Тора все равно остыл...

Отдыхать и расслабляться, зная, что Алекс мертв, а его убийца наслаждается жизнью? Нет, такому не бывать!

– Шеф, я уже начала выполнять задание, – сказала Вера. – Прошу подготовить мне всю информацию на Тора и Гастона Беранже. И еще... Я хочу видеть его. Алекса...

– Невозможно, – произнес сурово шеф. – Нам пришлось действовать быстро...

– Я знаю, что он здесь! – настаивала Вера. – Я хочу его видеть!

– Ну что ж... – сдался шеф. – Но ты уверена, что хочешь этого?

Ответа не последовало. Шеф вздохнул и сказал:

– Тело из Америки было переправлено в Швейцарию без волокиты. Оно находится в морге... Похороны должны состояться сегодня вечером.

Шеф поднял трубку одного из телефонов, стоявших на столе, и произнес несколько слов. Затем вызвался проводить Веру, но та отказалась.

Морг располагался на уровень ниже. Спустившись туда на лифте, Вера встретила с мужчиной средних лет в белом халате. Один из врачей организации, не говоря ни слова, проводил Веру по коридору в небольшое помещение – морг. Организация время от времени несла потери: агенты умирали, погибали во время выполнения заданий, и их тела переправлялись в Европу, по большей части в Швейцарию, где и находили последний покой на одном из кладбищ под скромной могильной плитой. По большей части с вымышленным именем.

Врач тактично удалился, оставив Веру наедине с Алексом. Женщина увидела тело, лежавшее на металлическом столе и накрытое простыней. Несколько невероятно долгих минут она стояла неподвижно, не решаясь отдернуть простыню. Наконец приспустила ее – и увидела бледное лицо Алекса. Надо же, смерть ничуть не изменила его. Он был в черном костюме и белой рубашке с темно-синим галстуком. Глаза были закрыты, и могло показаться, что Алекс спит.

Но он был мертв. И находился в морге организации, под землей на глубине почти тридцати метров. Женщина положила руку на лоб мертвеца – тот был ледяным. Отдернув ладонь, Вера поднесла ее к своему лицу и увидела – она испачкалась. Слой косметики, которая придавала мертвецу вид спящего человека, смазался, на лбу проступила сизовато-синяя кожа.

Вера накрыла покойника простыней и отвернулась. Нет, тот, кто лежал на столе, не был ее Алексом... это был кто-то чужой.. Затем, уже не в состоянии сдерживать рыдания, она снова оказалась около стола и полностью сдернула простыню. Плача, Вера провела рукой по волосам Алекса. И поцеловала его в плотно сжатые ледяные губы.

– Я найду его. И убью, – проронила женщина. Затем, уже более не оглядываясь, вышла из морга.

Похороны, как и обещал шеф, состоялись вечером. Всех погибших агентов в обязательном порядке кремировали. Таково правило – от них не должно остаться ничего, кроме горстки пепла. Когда вся процедура была завершена, урна с прахом Алекса нашла упокоение на кладбище. В последний путь его провожали два человека – Вера и шеф.

Было уже темно, когда два представителя похоронного бюро уложили плиту из красного гранита с надписью «Алекс Форш. 1930—1963». Холодный ветер хлестнул в лицо Вере, сорвав с ресниц одну-единственную слезу. Шеф что-то говорил, но женщина не слушала его.

Она поклялась найти Тора и покарать его за убийство Алекса. И сделает это, даже если придется пожертвовать собственной жизнью. Но вообще-то ей не стоит думать о смерти, ведь она выполняет приказ шефа. А его слово – закон!

Вера приложила руку в черной кожаной перчатке к холодной плите. «Алекс, как же мне будет тебя не хватать! Да, мы расстались в ссоре, но ведь у нас был шанс снова сойтись, ведь так? Шанс, который навсегда остался в прошлом. Но это я пойму наверняка не сейчас, а чуть позже, когда с ужасом вдруг осознаю, что нахожусь на краю бездонной пропасти под названием отчаяние. Да, я любила тебя... любила... И возможно, все еще люблю!»

Вера медленно поднялась.

– Мне требуется вся информация о Гастоне Беранже, – повторила она стоявшему в стороне шефу. – Вы обещали мне достать ее к вечеру!

Вера посмотрела на шефа, и тот вдруг понял, что она не остановится ни перед чем, пока не выполнит миссию своей жизни: пока не найдет Тора. И не убьет его.

Вера

Свадьба Альфреда Вайнгартена и Софии фон Минхов была назначена на 17 сентября 1926 года. Берлинское общество, узнав о предстоящем бракосочетании, не особенно удивилось: мало кто сомневался, что все к этому и шло. Кое-кто, увидев в газетах огромное объявление – на целую страницу! – извещавшее о радостном событии, конечно, покачал головой и наморщил нос, однако никто, разумеется, не высказал своих мыслей вслух.

Родители жениха и невесты были едины во мнении, что их дети созданы друг для друга. Правда, Соломон Вайнгартен, отец Альфреда, в узком семейном кругу отпускал едкие замечания относительно «госпожи баронессы, которая вдруг станет миллионершей», а фрау Аделаида фон Минхов, мать невесты, даже слегла с двухдневным приступом сильнейшей мигрени, когда узнала, что ее дочка сделается женой «этого парвеню». Но в общем и целом оба клана – и Вайнгартены, и фон Минхов – были довольны выбором детей. Самое удивительное, что главам обеих династий (банкирской Вайнгартенов и дворянской фон Минхов) не пришлось заключать сделку, выторговывая лучшие условия для своих чад и их родственников: Альфред и София, следуя новомодной традиции, сами решили вступить в брак и поставили об этом в известность родителей, когда собственное решение было принято.

У молодежи свои, коренным образом отличные от взрослых взгляды на жизнь, и мировая война, завершившаяся всего каких-то неполных восемь лет назад, сыграла важную роль в изменении мировоззрения. Ведь раньше, баронесса Аделаида фон Минхов была в этом уверена (раньше – то есть во времена всемилостивого кайзера, когда Германской империей правил Вильгельм Гогенцоллерн, а не выбранный всенародно президент, к тому же до недавнего времени, о ужас, социал-демократ!), подобный брак был бы невозможен. Не сомневался в том и Соломон Вайнгартен, считавший, что дворянский титул их семейству ни к чему, и вообще раньше (раньше – то есть во времена, когда имя Вайнгартенов наряду с Ротшильдами и Морганями заставляло трепетать сердца многих из расфуфыренных аристократов, задолжавших банку очередной миллион) каждый женился на представителях собственного класса.

Но ситуация была такова, что после проигранной войны, отречения кайзера и провозглашения Германии республикой ничто не было как *раньше*. Знали это и баронесса Аделаида фон Минхов, которая никак не могла прийти в себя после потери титула статс-дамы (нет кайзера – нет и двора!), и Соломон Вайнгартен, которому некогда могущественные отпрыски старинных фамилий задолжали астрономические суммы (а получить оные после революции стало практически невозможно).

Времена менялись, и за восемь лет весь мир разительно преобразился. А вместе с ним изменялся Берлин. Словно стремясь заглушить боль от поражения и кабальных условий унижительного (в глазах почти всех немцев) мирного договора, столица новоявленной республики бросилась в омут развлечений и на поиски всевозможных удовольствий. Некогда чопорную прусскую столицу было не узнать – как грибы после дождя появлялись новые кабаре, театры, казино, рестораны, мюзиклы. Это не нравилось ни баронессе Аделаиде фон Минхов, ни банкиру Соломону Вайнгартену, но поделать они, представители старого поколения, ничего не могли, понимая, что мир принадлежит поколению новому, то есть их детям – Софии и Альфреду.

В конце апреля 1926 года в обоих уважаемых семействах Берлина разыгрались почти идентичные сцены.

Это произошло после того, как Альфред по-деловому, как и следовало отпрыску банкирского семейства, обрисовал Софии все прелести богатого образа жизни, признался, что безумно ее любит и попросил стать его женой. Возможно, в благословенные времена империи, столь часто поминаемые Соломоном Вайнгартеном и Аделаидой фон Минхов, молодой

человек (впрочем, Альфред был не так уж и молод – ему шел четвертый десяток) испрашивал бы руки любимой прелестной дамы (впрочем, София была не так уж красива – пошла в теток по отцовской линии), стоя на коленях. Но времена совершенно изменились – предложение руки и сердца, более похожее на заключение сделки, было сделано в кинематографе. Причем в наиболее неподходящий момент – когда главная героиня, которую изображает великая актриса, узнает, что является внебрачной дочерью герцога, которого только что хотела пристрелить из очаровательного маленького револьвера, потому что тот домогался ее чести, не позволяя соединиться с мужественным моряком.

Так вот, Соломон Вайнгартен, узнав, что его старший (и единственный) сын желает сочетаться узами Гименея с Софией фон Минхов, вышел из себя. Вышагивая по кабинету шикарного особняка на Унтер-ден-Линден, он долго отчитывал сына, который, не обращая внимания на филиппики отца, спокойно попивал коньяк и наслаждался кубинской сигарой.

– Зачем тебе эта длинноносая дылда? – вещал банкир. – Мы с твоей матерью надеялись, что ты сделаешь предложение крошке Рахель, дочке моего делового партнера...

– Папа, крошка Рахель весит не меньше трех центнеров, – спокойным голосом перебил сын. – И если речь идет о внешних данных, то София даст ей фору!

– Тогда подумай о деньгах! – заявил отец. – Ее аристократическое семейство бедно как церковные мыши. Я уже навел справки – у них за душой нет ни пфеннига! Семейные драгоценности давно заложены, причем в одном из наших ломбардов, поместье в Восточной Пруссии тоже давно заложено, и опять же в нашем банке. Они в долгах как в шелках и...

– Дайте-ка поразмыслить, папа, – снова перебил Альфред. – Так их кредиторами являемся мы?

– Вот именно! – запальчиво воскликнул Соломон Вайнгартен. – И что тебя только прельстило в Софии фон Минхоф? Она не смогла найти достойную партию еще во времена кайзера, и уже тогда была не первой молодости!

– Папа, я люблю ее, – отвечал сын, который знал, что переубедить отца невозможно.

Все Вайнгартены отличались легендарным упрямством, и Соломон не был исключением. Однако он не учел, что и его отпрыск унаследовал данную (скажем прямо, не самую хорошую) фамильную черту.

– И что с того, сын? – заявил Соломон. – Разве, когда я женился на твоей матери, кто-то говорил о любви? Брак, основанный на чувствах, всегда заканчивается катастрофой – посмотри на свою тетку Минну или дядю Гектора! Только тем, кто принимает решения при помощи мозга, суждено долгое семейное счастье и, самое важное, материальное благополучие. Она ведь дала тебе согласие только потому, что знает: ты – наследник миллионов. И после моей смерти станешь одним из самых богатых людей Европы. Сын! Я категорически против! Если ты не одумаешься и не забудешь о Софии, я лишу тебя наследства! Я ни за что не соглашусь на ваш брак!

– Интересно, кто будет тогда вести дела вашей финансовой империи, папа? – усмехнулся Альфред. – Один из трех ваших ненавистных зятьев? Тогда мы с Софией просто сбежим в Канаду и поженимся без вашего согласия!

Матушка Альфреда, поджав губы, предпочитала не вмешиваться в семейный скандал, а только кивала в такт словам мужа и всем своим видом выражала полное неприятие планов сына...

В то же время в обветшалом особняке, также на Унтер-ден-Линден, всего в каких-то шестистах метрах от обиталища Вайнгартенов, разыгрывалась иная, не менее бурная сцена. Только на сей раз молчал барон фон Минхов – он, несмотря на крики жены, мирно дремал в кресле, укутанный несколькими пледами (на хорошее отопление огромного дома не было денег). Баронесса Аделаида фон Минхов всегда брала бремя принятия решений на себя, потому что именно она являлась главой семьи – еще бы, ведь ее муж был всего лишь бароном,

а она – урожденной княгиней! Она много лет назад решилась на такой мезальянс, и целью ее жизни стало уберечь единственную дочку от рокового шага.

– Они – нувориши! – кричала баронесса, воздевая руки к потолку с облезшей позолотой и облупившимися фресками. – А твой род уходит корнями к римским патрициям. Мы состоим в отдаленном родстве с несколькими венценосными фамилиями!

– Нувориши хороши тем, что у них много денег, мама, – вклинилась в «беседу» София. – Вернее, не просто много, а очень много. А Соломон Вайнгартен является владельцем одного из самых крупных европейских банков.

– Им нужен твой титул! Еще бы, желают украсить родословную своей семьи пышными дворянскими гербами! – не успокаивалась баронесса.

– Мама, если бы в этом заключался их замысел, то Альфред давно мог бы жениться и на герцогине, и на принцессе крови – благо, что Берлин сейчас забит эмигрантами голубых кровей из России, – парировала дочь.

Наконец матушка произнесла свой коронный аргумент:

– София, дочь моя, не забывай: мы – прусские дворяне, а они... Они – евреи! Хотя бы и лютеранской веры! Подумай сама, из баронессы фон Минхов ты станешь фрау Вайнгартен!

– Мама, когда ваш троюродный брат женился на американке польского происхождения, вы так не возмущались. Причем дядя подписал брачный договор, согласно которому его отпрыски в обязательном порядке становятся баронами, а в случае развода он не получает ни цента. Или дело в том, что он мужчина, и ему все позволено, а мне, женщине, нет? Кроме того, я люблю его.

– Я запрещаю брак, дочь моя! Ты опозоришь семейную честь! Я ни за что не дам своего благословения! – заявила баронесса. На что София ответила:

– Тогда мы с Альфредом сбежим в Австралию и начнем новую жизнь. А вашего согласия на брак не требуется, матушка.

Раньше бы и баронесса Аделаида фон Минхов, и банкир Соломон Вайнгартен проявили-таки твердость характера и элементарно запретили бы своим детям сочетаться браком. Но 1926 год был все же не год 1906-й, и все, в том числе и родители, прекрасно это понимали, хотя и не желали расписываться в собственном бессилии.

Поэтому скрепя сердце главы обоих семейств (то есть баронесса Аделаида фон Минхов и банкир Соломон Вайнгартен) встретились на нейтральной территории – в отдельном кабинете ресторана отеля «Адлон». Рандеву проходило без участия жениха и невесты, и никто не знает, что именно обсуждали баронесса и банкир, однако спустя почти три часа они разошлись, и через день во всех крупных газетах города появились объявления о предстоящем в сентябре бракосочетании.

По слухам, баронесса добилась более чем щедрой финансовой поддержки для своего семейства и списания всех долгов, а на банкира произвели приятное впечатление генеалогическое древо и возможность породниться с родственниками, хотя и весьма отдаленными, отрекшегося кайзера.

По настоянию Соломона Вайнгартена были подписаны секретные документы, согласно которым молодая баронесса обещала родить не менее четырех детей, из которых как минимум двум надлежало быть мужского полу. В свою очередь, семейство фон Минхов потребовало выделения двухсот тысяч рейхсмарок на реставрацию их семейного гнезда на Балтике и на приведение в порядок старого особняка на Унтер-ден-Линден. Таким образом, каждый получил, что хотел: баронесса Аделаида фон Минхов – долгожданный источник почти неограниченных финансовых средств, банкир Соломон Вайнгартен – невестку с блестящим титулом и древней родословной, а София и Альфред – друг друга.

По взаимной договоренности родителей свадьбу назначили на сентябрь. Не исключено, и баронесса, и банкир думали, что их дети одумаются, несмотря на принятое решение, и свадьба не состоится.

Однако прошла весна, закончилось лето, и ничто не предвещало, что Альфред и София решили отказаться от задуманного. В обоих домах на Унтер-ден-Линден шла подготовка к грандиозному торжеству – благодаря деньгам Вайнгартенов и связям фон Минхов бракосочетание их отпрысков обещало стать событием сезона. И даже родители, казалось, примирились с выбором детей: каждый из них думал, что, собственно, могло быть и намного хуже.

Прием планировалось провести в особняке Вайнгартенов – дом фон Минхов как раз ремонтировался и был еще в недостаточно хорошем состоянии для столь важного события. Баронесса Аделаида руководила декорационными работами, разработкой меню, организацией приема – благо что в ее распоряжении был толстый кошелек финансиста. Она уже смирилась с мыслью, что ее дочка превратится во фрау Вайнгартен.

Банкир Соломон также утешал себя мыслью о том, что сын его хоть и выбрал невесту без приданого, зато внуки окажутся в родстве с августейшей фамилией. А сие все же что-то да значит! Разве мог бы подумать его предок, Исаак Вайнгартен, в середине восемнадцатого века обосновавшийся в Берлине и открывший первый закладной дом, из которого потом выросла финансовая империя, что кто-то из его отпрысков станет родственником кайзера?

Менее всего озабочены предстоящим событием были, казалось, будущие молодожены. Их не занимала ни предсвадебная суета, ни советы родителей, ни визиты многочисленных родственников и друзей. Как-то на досуге Альфред задался простым вопросом – а любит ли он Софию? Он сделал ей предложение руки и сердца, потому что... потому что в первую очередь хотел освободиться от диктата отца! Конечно, София была мила и добра, но... Но любит ли он ее? Вначале ему казалось, что его сердце пылает страстью к баронессе, но чем более приближалась свадьба, тем менее он был в том уверен. Альфред и помыслить не мог, что София мучилась точно такими же вопросами: она вообще-то дала согласие на брак, потому что хотела положить конец беспросветному существованию в гордой нищете. Разумеется, ей нравился Альфред Вайнгартен – статный, мужественный и привлекательный, однако вначале она не была уверена, что любит его, и настояла на свадьбе по простой причине – чтобы досадить матушке. Но потом, по прошествии всего нескольких недель, девушка вдруг заметила, что жить не может без Альфреда, и при мысли, что совсем скоро станет его законной супругой, ее сердце начало петь, а глаза светиться.

Так каждый из молодых имел свои причины, чтобы вступить в брак – Альфред знал, что ему давно пора обзавестись женой и потомством, и София была далеко не самым плохим выбором (уж точно намного лучше «крошки» Рахель!). Да и мог ли он нарушить данное невесте слово? А София не сомневалась в том, что жених любит ее так же крепко, как и она его, а значит, им предстоит провести вместе долгие годы и умереть в один день и час, держась за руки.

* * *

Накануне торжественного события Альфред в компании своих друзей совершил рейд по значным заведениям Берлина. Это был так называемый «мальчишник», прощание с холостяцкой жизнью – меньше чем через двадцать четыре часа ему предстояло оказаться у алтаря с Софией.

Группа мужчин побывала в ресторане, а оттуда поехала в театр-ревю. Альфред вначале отнекивался, ссылаясь на то, что он вот-вот станет женатым человеком и тогда о подобного рода развлечениях придется забыть, на что друзья со смехом возразили: «Тогда тебе обязательно надо воспользоваться последней возможностью!»

В театре-ревю давала выступление какая-то заокеанская танцовщица, известная тем, что выступает практически голышом. Альфред с удивлением констатировал, что с трепетом думает о Софии и предстоящей свадьбе. Ему было не так уж тяжело прощаться с холостяцкой жизнью.

Когда зазвучала зажигательная музыка и огни в зале погасли, сын банкира бросил взгляд на сцену, будучи уверенным, что не увидит там ничего заслуживающего внимания, – и онемел. Конечно, он слышал о танцовщице-мулатке откуда-то с Ямайки по имени то ли Джеральдина, то ли Джозефина. Но кто бы мог подумать, что она столь хороша!

Прелестная, похожая на языческую богиню женщина вышла на сцену. Ее наготу едва прикрывал купальник из переливающейся серебристой чешуи. Несколько страусиных перьев украшали ее вздыбленную прическу, а глаза... В двух темных океанах страсти, казалось, можно утонуть!

Берлин по праву считался в то время столицей развлечений: сравняться с ним не могли ни Париж, ни Нью-Йорк. Именно здесь выступали самые известные артисты, именно здесь начинали карьеру и те, чье имя никому пока ничего не говорило. Джеральдина Сойер произвела в прошлом году подлинный фурор, и теперь ее имя было у всех на устах.

Ритмы таинственной музыки родного острова Джеральдины заворожали всех зрителей, и в первую очередь Альфреда. А когда танцовщица начала двигаться, то сын банкира, казалось, провалился в дыру во времени. Для него в тот момент существовало только одно – женщина, больше похожая на колдунью, перемещающаяся по сцене, совершая никак не возможные па и телодвижения. Танец Джеральдины Сойер был новаторским, ничуть не похожим на классическую школу балета. Он впитал в себя энергию и жар острова, на котором выросла танцовщица.

Альфред очнулся, когда музыка внезапно стихла и раздались громовые овации. Он не был знатоком современного танца, однако не сомневался в том, что Джеральдина Сойер – лучшая из лучших. И еще в одном Альфред был уверен – он влюбился в Джеральдину, и произошло это в течение тех пятнадцати минут, пока длился ее танец.

– В прошлом сезоне, говорят, она под конец сорвала лифчик, – заметил со смехом один из друзей Альфреда.

– Наверняка там было на что посмотреть! – добавил еще кто-то, и вся компания разразилась гоголом.

Обычно Альфред не обращал внимания на подобные бестактные замечания, но в тот момент кровь бросилась ему в лицо, и он, схватив одного из своих приятелей за плечо, сдавленным голосом произнес:

– Немедленно принеси свои извинения!

– Альфред, ты что, перебрал лишку? – спросил тот, морщась от боли. – Эй, что с тобой, дружище? Ведь эта Джеральдина – бывшая шлюшка. Доподлинно известно, что она зарабатывала себе на пропитание собственным телом, причем не танцуя, а продавая его всем желающим.

Альфред оттолкнул друга, да так сильно, что тот едва не полетел на пол. Сын банкира поднялся – на сцене сновали другие танцовщицы, но взирать на их пируэты у Альфреда не было ни малейшего желания.

– Да что с тобой? – закричали друзья, ничего не понимая.

Альфред, не говоря ни слова, подошел к отряхавшемуся другу и схватил его за шею.

– Извинения, и немедленно! – приказал он, сжимая его горло.

Друг, выпучив глаза и хватая губами воздух, присипел:

– Альфред, ты перепил... Господи, ты ведь можешь меня убить... Я... приношу свои извинения! Мне не стоило так говорить об этой черномазой!

Альфред швырнул приятеля на стул и вышел прочь из театра-ревю, не реагируя на возгласы друзей. Оказавшись на улице – холодный воздух сентябрьской ночи немного отрезвил его, – он посмотрел на небо, усыпанное звездами, и с тоской подумал о том, что всего через

несколько часов должен жениться на Софии. А ведь он ее совсем не любит! Ценит, уважает, восхищается ею – но не любит. И вообще он никогда не верил в любовь, считая ее сказкой для взрослых. Но эта женщина на сцене, которую он видел каких-то пятнадцать минут... Почему он не может прекратить думать о ней?

Из театра-ревю высыпали его друзья, кто-то попытался заговорить с Альфредом, но тот, приняв решение, шагнул обратно в фойе.

– Дружище, уже поздно, тебе пора баиньки! – крикнул ему вслед кто-то. – Не забывай, надо беречь силы для завтрашнего дня! И в особенности для завтрашней ночи!

Но для Альфреда больше не существовало завтрашнего дня, в котором была свадьба с Софией. Бросив друзей, он вернулся в театр-ревю. От швейцара узнав, что мадам Джеральдина больше сегодня выступать не будет, Альфред отправился в гримерную танцовщицы.

Вошел туда без стука – и застал Джеральдину перед большим зеркалом. Без грима она была еще красивей, чем на сцене. Женщина вздрогнула и, взглянув на Альфреда, сказала по-английски:

– Сэр, что вам надо? Я никого не принимаю!

Альфред только затворил дверь, и его взгляд встретился со взглядом Джеральдины...

* * *

Когда Соломону Вайнгартену за завтраком доложили, что его сына нет в комнате и, судя по всему, Альфред не ночевал дома, банкир поставил чашку с кофе на блюдечко и в сердцах произнес:

– И где же пропадает этот негодный мальчишка?

Один из слуг сообщил хозяину, что молодой господин еще вчера вечером вместе с друзьями отправился по злочным заведениям. Финансист вздохнул:

– Понятно, перед тем как превратиться в верного мужа, он хочет в последний раз глотнуть воздуха свободы. Однако пора и честь знать! Уже почти девять, а венчание назначено на полдень!

Альфред не появился в особняке родителей ни в десять, ни в одиннадцать. Банкир не находил себе места от беспокойства, и когда наконец около подъезда остановился автомобиль, из которого вышел задумчивый и странно улыбающийся Альфред, отец бросился к нему.

– Сын мой, что вы себе позволяете? Я столь много вложил в эту свадьбу, а вы все ставите под удар! Живо переодевайтесь. Через десять минут мы отправляемся в церковь!

Альфред, тяжело вздохнув, посмотрел на отца. Он порывался что-то сказать банкиру, но потом, видимо, передумал. Жених скрылся у себя в комнате, откуда вышел в парадном фраке, лацкан которого был украшен белой хризантемой. Слуга подал перчатки и цилиндр. Соломон Вайнгартен, захлопнув крышку часов, поднялся из кресла и, оглядев сына с ног до головы, сказал:

– А теперь в путь! Мы опаздываем, негоже заставлять невесту ждать!

Они уселись в длинный «Мерседес-Бенц» и отправились к Николайкирхе, старейшей церкви Берлина. Отец о чем-то вещал, давая сыну последние наставления, матушка украдкой вытирала слезы, а Альфред рассеянно смотрел в окно и думал о Джеральдине. Вчера, входя к ней, он считал, что танцовщица его прогонит, но все завершилось иначе. Они провели вместе ночь, и эти несколько часов изменили все.

Автомобиль затормозил около кирхи. Альфред так и остался сидеть в салоне. Отец прикрикнул на него:

– Сын мой, что с вами? Вы заснули?

Альфред оторвал взгляд от окна, перевел его на седую бороду отца – и внезапно все встало на свои места. Да, именно так он и сделает. Он не может иначе!

Сын банкира медленно поднялся по лестнице, ведущей в церковь. У порога их встречал барон фон Минхов.

– Они едут! – заявил он, имея в виду свадебный кортеж своей дочери. – Самое позднее через три минуты будут здесь!

Альфред прошел в церковь, заполненную гостями. Все взгляды – гостей со стороны невесты явно было больше – мгновенно обратились на него. Сын банкира, ни на кого ни глядя, подошел к алтарю. Пастор вежливо приветствовал его, но Альфред, казалось, даже не заметил его.

Наконец раздались громкие голоса, распахнулись врата церкви – и на пороге возникла невеста, которую под руку вел отец, барон фон Минхов. Альфред, как и все, обернулся – София была прелестна как никогда. «Еще бы, – подумал он, – ведь платье заказано у лучшего берлинского портного, а шею, уши и запястье невесты украшают бриллианты стоимостью с целый крейсер – щедрый подарок старого банкира своей будущей невестке».

Альфред знал – через несколько минут София станет его законной женой. И какая разница, что он ее не любит. Зато у него есть Джеральдина!

Трепещущая от радости София, на чьей впалой груди переливались всеми цветами радуги бриллианты, подошла к алтарю. Пастор начал церемонию. Альфред бросил взгляд на невесту – и с этой женщиной ему суждено провести остаток жизни? Странно, что всего день назад он был готов к браку и даже желал его, но – до того, как познакомился с Джеральдиной, до того, как оказался в ее объятиях, до того, как провел с ней ночь, во время которой они так и не сомкнули глаз...

Он попытался прогнать неуместные в церкви мысли, но не мог. Вспомнилось стройное гибкое тело, похожее на ствол эбенового дерева, маленькие упругие груди с коричневыми сосками, жаркий рот с пухлыми губами... И о чем он только размышляет, находясь в шаге от невесты и своей будущей жены! Альфред критически окинул взором Софию – ей двадцать девять, и она из тех барышень высшего света, которых за глаза называют «лежалый товар». Не дурнушка, но далеко и не красавица. И как он раньше не замечал ее лошадиных зубов, длинного носа и тщательно припудренных угрей? Альфред вспомнил идеальное лицо Джеральдины и ее роскошное тело. А какое тело, интересно, у Софии? Ведь она твердо заявила, что в постели они окажутся только после заключения брака. Альфред посмотрел на баронессу фон Минхов, с непроницаемым лицом сидевшую в первом ряду. Скорее всего, уже через каких-то пять, самое позднее – через десять лет София станет такой же, как ее матушка. И как он мог вообразить себе, что любит эту женщину?

– Готов ли ты, Альфред Вайнгартен, взять в жены присутствующую здесь Софию-Александру-Альбертину-Фредерику-Луизу-Вильгельмину-Минерву фон Минхов и жить с ней в мире и согласии, пока смерть не разлучит вас? – запнувшись два раза при перечислении всех имен невесты, спросил у Альфреда пастор.

Готов ли он?

София вопросительно посмотрела на молчащего суженого, ее глаза расширились от удивления, подбородок задрожал. Да, он ее не любит, подумала невеста, но он не имеет права бросить ее!

Пауза слишком затянулась, поэтому Альфред поспешно провозгласил:

– Да, готов.

Лицо невесты озарила торжествующая улыбка. Тогда пастор задал сакраментальный вопрос Софии (на сей раз он произнес все ее имена без запинки). Альфред понимал – сейчас София скажет: «Да», и они будут объявлены мужем и женой. Когда прозвучали последние слова формулы «пока смерть не разлучит вас» и еще до того, как София успела что-то сказать, Альфред развернулся на сто восемьдесят градусов.

Пастор смолк, добрые две сотни гостей уставились на жениха, баронесса фон Минхов, кусая губы, навела на Альфреда лорнет, а Соломон Вайнгартен строго смотрел на сына, поглаживая седую бороду.

– Господин пастор, продолжайте! – раздался повелительный голос баронессы.

– Перед людьми и богом я объявляю вас... – начал тот.

Но Альфред, снова сделав разворот к алтарю, громко произнес:

– Я передумал!

– Что? – челюсть у пастора отпала. Он слышал подобное первый раз за свою долгую церковную карьеру.

– Продолжайте, черт вас побери! – крикнула баронесса, чем вызвала ропот среди гостей: еще бы, богохульство в стенах церкви!

– Объявляю вас Отцом и Сыном и Святым Духом... – выпалил пастор и в ужасе смолк, заметив свою нелепую ошибку. В задних рядах раздалась смешка, которые переросли в хохот.

Альфред снова развернулся. По лицу Софии бежали слезы, прокладывая тропинки по толстому слою белил. Сын банкира, обратившись к ней, сказал:

– Мне очень жаль, София. Мне очень жаль, но я передумал. Я не хочу, чтобы вы стали моей женой. Я люблю другую!

Последние слова прозвучали в полной тишине – смех к тому времени смолк. Последовал мерный удар – Библия вылетела из рук пастора на пол. Альфред направился к выходу. Тишина тотчас сменилась истошными криками.

– Альфред, немедленно вернись! – кричал Соломон Вайнгартен.

– Этот чертов еврей опозорил наш род! – визжала баронесса Аделаида фон Минхов.

На пороге церкви Альфред обернулся – его несостоявшаяся жена лежала в глубоком обмороке, а около нее сустились родители и родственники. К Альфреду подошел худосочной молодой человек, которому от силы было лет шестнадцать, – младший брат Софии, Генрих.

– Ты... ты... мерзкая гадина! – выпалил подросток, чей лоб покрылся испариной. – Ты... ты... з... з... з... – Генрих, обожавший сестру до беспамятства, ужасно заикался и сейчас никак не мог преодолеть волнение и высказать то, что хотел.

Альфред толкнул двери церкви и вышел вон.

– Ты... заплатишь за это! – раздался крик Генриха.

Альфред, не оборачиваясь, спустился по лестнице. Он вынул из петлицы хризантему и бросил ее на тротуар. Тут к нему обратились две запыхавшиеся пожилые дамы:

– Мы спешим на бракосочетание нашей троюродной племянницы. Церемония уже началась?

– Никакой свадьбы не будет, – сообщил Альфред. И учтиво добавил: – Желаю вам хорошего дня, милостивые государины!

Прямоком из кирхи Альфред направился к Джеральдине. Танцовщица принимала ванну. Протянув Альфреду темнокожую руку, покрытую радужной пеной, она лукаво спросила:

– А как же ваша молодая супруга? Вы бросили ее совершенно одну?

– О, вокруг Софии более чем достаточно суетливых родственников, – ответил Альфред. – Кстати, она не моя жена. И никогда не станет таковой. К счастью.

С этими словами он, не раздеваясь, шагнул в ванну, где ждала его Джеральдина.

* * *

Дома Альфред появился поздно вечером. Завидев молодого хозяина, один из слуг побелел, будто перед ним явилось привидение.

– Ваш батюшка желает видеть вас! – пролепетал он, пятясь задом. – Он в очень скверном расположении духа. В очень скверном...

Альфред, пребывавший в отличном настроении после совместных водных процедур с Джеральдиной, после сеанса массажа и долгих любовных утех, прошел в кабинет старого банкира.

Соломон Вайнгартен сидел за огромным письменным столом и выводил что-то в гресс-бухе. Финансист не поднял головы и не отвлекся от своего занятия, несмотря на то что сын стоял перед ним.

– Отец, вы хотели видеть меня? – спросил Альфред.

Соломон наконец удостоил его вниманием. Произнес:

– Я с самого начала был против этого брака.

– Понимаю, отец, – ответил Альфред, радуясь, что все так легко разъяснилось.

Он знал, что отец, обладавший холерическим темпераментом, может неадекватно отреагировать на случившееся. Но, по всей видимости, буря прошла и кризис миновал – старик успокаивался так же быстро, как и терял присутствие духа.

Банкир поднялся из кресла, подошел к портрету своего предка Исаака, висевшему на стене, снял его – стала видна крышка сейфа. Старик всунул в замочную скважину ключ, который всегда носил с собой, открыл несгораемый шкаф и извлек оттуда тонкую пачку банкнот.

– Вы хотите откупиться от Софии и ее родителей? – спросил Альфред. Странно, но ему было ничуть не жаль бывшую невесту.

– Я был против этой свадьбы, однако потом позволил убедить себя, что это лучшее для вас, – сказал старик, запирая сейф. – Вы твердили, что любите молодую баронессу фон Минхов, и я решил, что с моей стороны неблагоприятно мешать вашему счастью.

– Бедняжка быстро утешится, – ответил Альфред. – В конце концов, ее семейство получило почти все, что хотело: вы привели в порядок их особняк, да и драгоценности, которые блистали сегодня на Софии, само собой, она получит в качестве утешения. Самое позднее через год она выйдет замуж за какого-нибудь бездельника-офицера с графским или княжеским титулом.

– Да, я был против этого брака, – в третий раз повторил старик-банкир. – Но дал на него свое согласие. И свое слово! А из-за вас вышло так, что я, Соломон Вайнгартен, в первый раз за свои шестьдесят шесть лет нарушил данное мной слово.

– Папа, прошу вас, мы же современные люди... – начал Альфред, но старик ударил мощными волосатыми кулаками по столу и заявил:

– Не смейте более называть меня так! Я вам отныне не отец! Вы сделали меня посмешищем и заставили нарушить свое обещание!

Затем Соломон швырнул в лицо сыну пачку денег со словами:

– У вас имеется ровно час, чтобы собрать свои вещи и покинуть мой дом. Я не желаю больше ни видеть, ни слышать вас. В Берлине вам не место. И в Германии тоже.

– Отец, я хочу объяснить вам, что люблю...

Старик схватил со стола тяжеленное бронзовое пресс-папье, швырнул его в Альфреда (тот едва увернулся, иначе бы ему наверняка размозжило голову) и крикнул:

– Вон! Из-за вас я нарушил слово! Вон!

Альфред вышел из кабинета старика и отправился к себе в комнату. Он прилег на кровать и мгновенно заснул. В себя пришел только потому, что его кто-то тряс за плечо. Это был один из слуг. Четверо других стояли около кровати.

– В чем дело, Михель? – спросил, зевая, Альфред.

– Господин Вайнгартен, который был вашим отцом, соизволяет передать, что час истек, – ответил Михель.

Альфред потряс головой и удивился:

– Разве приступ у старика еще не прошел? Пора бы уже успокоиться. А теперь ступайте прочь и дайте мне поспать!

Но слуги подхватили Альфреда за руки и за ноги. Он пытался сопротивляться, но ничего не мог поделать с четырьмя дюжими мужчинами. Михель указывал им путь. Они протащили извивающегося Альфреда по всему дому и вышвырнули за дверь особняка. Михель бросил вслед пачку денег.

– Господин Вайнгартен велел передать, что это ваша доля наследства, – сказал он. – Он больше не желает иметь с вами ничего общего.

Альфред отправился к Джеральдине, у которой провел три восхитительных дня и две еще более восхитительные ночи. Поведав ей о ссоре с отцом, он был уверен, что старик одумается и вот-вот сам пошлет за ним.

Но никто не приходил. Настало время Джеральдине отправляться в Париж, и Альфред решил сопровождать ее. Он превратился в ее любовника, однако танцовщица не отвечала ни да ни нет на его предложения руки и сердца.

– Я еще не готова к семейной жизни, – обычно говорила она.

За Парижем последовал Амстердам, за Амстердамом – Лондон, откуда они на корабле направились в Нью-Йорк. И везде Джеральдину встречали с восторгом. Одна из сестер Альфреда тайно корреспондировала с ним, сообщая о том, что происходит в Берлине. Отец после скандала с несостоявшейся свадьбой сильно сдал, матушка постоянно плачет. А у Софии произошел нервный срыв, бедняжка сошла с ума и оказалась в психиатрической клинике.

Альфреду не было особого дела до событий в Германии: он был поглощен романом с Джеральдиной. Ему пришлось узнать, что танцовщица любит роскошный образ жизни и что теперь, лишившись поддержки отца, он стал ей неинтересен. Но и расстаться с ним она отчего-то не спешила. Видимо, все-таки тоже была в него влюблена.

Так прошло почти полтора года, и ранней весной 1928 года назрело время для принятия решения. Альфред узнал, что у Джеральдины появился новый поклонник – разведенный американский миллионер. И что тот предложил ей стать его женой. Между Альфредом и Джеральдиной произошла серьезная ссора, когда танцовщица сообщила, что намерена выйти замуж за миллионера.

– Посуди сам, Фредди, – сказала она своим мягким певучим контральто, – мне в этом году исполнится двадцать девять. Я нахожусь на пике своей славы, однако у меня появилось много подражательниц. И все они намного моложе, а танцуют ничуть не хуже. Еще несколько лет, и моя звезда начнет закатываться. А еще через три-четыре года обо мне окончательно забудут. Я скопила кое-какой капитал, однако муж-миллионер мне придется весьма кстати.

– Но ты же его не любишь! – воскликнул в отчаянии Альфред.

Джеральдина поцеловала любовника в губы и пояснила:

– Зато у него три нефтяные вышки и контрольный пакет акций железнодорожного консорциума. Однако он ревнив, и нам, Фредди, придется расстаться. Но ты должен знать: я любила и люблю только одного человека – тебя. А теперь тебе лучше уйти – мой будущий муж сейчас пожелает в гости.

Альфред и помыслить не мог своей жизни без Джеральдины, поэтому, оказавшись в номере третьеразрядного отеля, где обитал последние месяцы, решил... покончить с собой. Семьи у него не было, любимой тоже – так зачем же влачить жалкое существование?

На последние деньги он приобрел шестизарядный револьвер и бутылку дорогого шампанского. Осушив ее до дна, он улегся на скрипучую постель и поднес револьвер к виску. И как раз в тот момент в дверь номера кто-то постучал. Альфред закрыл глаза и спустил курок.

Вместо выстрела раздался безвредный щелчок. Альфред с остервенением снова попытался выстрелить себе в голову, но безрезультатно. Он проверил барабан, убедился, что во всех шести гнездах сидят пули, запихнул дуло в рот и в третий раз спустил курок. И снова ничего!

Альфред принялся неудержимо смеяться – вороватый торговец оружием продал ему негодный револьвер! И что ему теперь делать? Каким иным способом покончить с собой?

Проще, наверное, взобраться на небоскреб и спрыгнуть с восьмидесятого этажа. Да, так он и сделает, причем немедленно...

Стук в дверь возобновился. Альфред рывком открыл ее:

– Чего вам?

На пороге стоял почтальон. Завидев мужчину с горящим взглядом и с револьвером в руке, он выронил телеграмму и побежал прочь.

– Идите вы все к черту! – крикнул Альфред и швырнул вслед почтальону пистолет.

Грянул выстрел, коридор заволокло сизым дымом. Ошарашенный произошедшим, Альфред нагнулся, дабы поднять оружие и попытаться снести себе череп, но его рука наткнулась на желтый лист бумаги.

Он развернул бланк и прочитал телеграмму от одной из своих сестер: «Сегодня папа умер. Инфаркт. Ты – единственный наследник. Ждем тебя в Берлине».

* * *

Альфред четыре или пять раз прочитал текст телеграммы, прежде чем понял, что имела в виду сестра. Отец скончался и оставил ему все свое состояние, исчисляемое многими десятками, если не сотнями миллионов! Но ведь старик грозился вычеркнуть его из завещания, и Альфред не сомневался, что он давно так и поступил...

Поэтому, тотчас забыв о желании покончить с собой, он отправился звонить в Берлин. Поговорив с сестрой, удостоверился в том, что старик в самом деле не изменил завещания – то ли не успел, то ли не захотел.

– Мы ждем тебя, Альфред, – сказала сестра, – ты нам очень нужен.

И Альфред улыбнулся самому себе. Вот так поворот судьбы! В тот день, когда он едва не покончил с собой (и наверняка сделал бы это, если бы не неисправный револьвер, проданный ему жуликом), из бедного сорокалетнего мужчины с начинающейся лысиной и образовавшимся небольшим животиком он превратился в одного из самых богатых людей Европы.

Альфред явился в шикарный отель, где квартировала Джеральдина, ногой открыл дверь номера – и застал ее на диване с трясущимся старцем.

– Кто это, дорогая? – прошепелявил тот.

Схватив миллионера за шкуру, Альфред выбросил его из номера.

– Фредди, твоя сцена ревности не к месту! – вспыхнула Джеральдина. – Джимми сделал мне предложение, и я ответила согласием. Мы завтра же летим в Лас-Вегас, чтобы заключить брак.

– Как велико состояние у Джимми? – лениво поинтересовался Альфред.

Тонкие бровки Джеральдины взлетели вверх, и она притворно воскликнула:

– Мне это совершенно безразлично!

– Дорогая, я знаю, что ты хорошая актриса, – заявил Альфред. – И уверен: ты наверняка выяснила всю его подноготную, прежде чем пустила к себе на порог.

– Тридцать миллионов, – нехотя ответила танцовщица.

– Гм, не так уж и много, – усмехнулся Альфред. – Не знаю точной суммы, но мой отец, скончавшийся в Берлине сегодня утром, оставил состояние по крайней мере раз в пять больше. И я – единственный наследник.

Лицо Джеральдины просияло. Она бросилась на шею Альфреду и прошептала:

– О Фредди, как же я люблю тебя! Ой, извини, прими мои соболезнования в связи со смертью твоего батюшки.

– Ты выйдешь за меня замуж? – спросил Альфред, и ответ танцовщицы, конечно же, положительный, не заставил себя ждать: дряхлый Джимми с его жалкими тридцатью миллионами был тотчас предан забвению.

Прежде чем отправиться в Германию, Альфред и Джеральдина побывали-таки в Лас-Вегасе, где заключили брак. В Берлин они прибыли из Нью-Йорка на цеппелине уже законными мужем и женой. Впервые за многие месяцы Альфред ступил на порог родительского дома – отныне полновластным хозяином.

Соломон готовил сына в наследники, однако после разрыва Альфред полностью забросил занятия банковским делом. Теперь же приходилось многое освежить в памяти. Новый глава финансовой империи решил не отказываться от прежнего образа жизни и предоставил наемным менеджерам возможность заниматься делами. Джеральдина была в упоении – осуществились ее самые дерзкие мечты. Мало того, что ее супруг был мультимиллионером, так она еще и любила его. Во всяком случае, так она думала.

* * *

Последовала череда феерических праздников, шикарных приемов и небывалых путешествий. Новоявленная фрау Вайнгартен без всякого сожаления ушла с подмостков, решив, что теперь она может сконцентрироваться на куда более важном и приятном занятии – трате состояния мужа.

Альфред ничуть не сожалел о кончине отца. Он всего один-единственный раз побывал на его могиле (похороны прошли в отсутствие новобрачных, находившихся на пути в Европу), но не испытал никаких чувств – отец превратился для него в совершенно чужого человека.

Крах на бирже осенью 1929 года не затронул финансовую империю Альфреда Вайнгартена. Более того, кризис только увеличил его состояние, когда в течение нескольких недель он оказался владельцем большого количества недвижимости, которую разорившиеся клиенты были вынуждены предоставить ему в качестве уплаты долгов.

Джеральдина, появившаяся на свет в хижине на Ямайке, стремилась к одному – превратиться в настоящую светскую даму, более того, в законодательницу мод. И она достигла желаемого, ведь муж удовлетворял любой ее каприз.

Весной 1930 года она ощутила первые признаки беременности и девятью месяцами позже произвела на свет здорового темнокожего мальчика, которого нарекли в честь ее отца Джошуа. Германия к тому времени разительным образом переменилась – мировой финансовый кризис сильно ударил по немецкой экономике, миллионы людей потеряли работу. Все больше и больше бюргеров пленялись речами новоявленного мессии по имени Адольф Гитлер, который обещал решение всех насущных проблем в течение короткого времени и открыто заявлял, что корень зла – инородцы, в первую очередь евреи.

После рождения Джошуа Джеральдина с утроенной силой окунулась в омут удовольствий. Когда в результате банковского кризиса, начавшегося сначала в Австрии и накрывшего позднее и Германию, финансовая империя ее мужа понесла значительные убытки, Джеральдина не сочла необходимым экономить. Она желала, чтобы ее праздники и приемы были самыми экстравагантными в немецкой столице. Что ей вполне удавалось.

Во второй половине 1932 года Джеральдина, к своему большому огорчению, поняла, что беременна во второй раз. Вообще-то она заявила мужу, что не намерена портить фигуру, вынашивая нового отпрыска, но пришлось смириться с неизбежным. Хуже всего, что ребенок должен был появиться только в феврале или марте 1933 года, что означало: свой тридцать пятый день рождения в январе, который должен был стать грандиозным праздником, Джеральдине придется встретить в интересном положении. Женщина сразу возненавидела неродившегося ребенка, который украл у нее возможность блистать на собственном празднике. Зато Альфред был на седьмом небе от счастья и заранее души не чаял во втором сыне, не сомневаясь, что опять родится мальчик.

Политическая и экономическая ситуация в Германии тем временем только ухудшалась – безработных, а вместе с тем и недовольных становилось все больше. Джеральдине однажды на собственном опыте пришлось убедиться в том, что радикальные настроения усиливаются. Она была в лавке модистики, желая сделать новые приобретения, когда туда же ворвались оголтелые молодчики в коричневых рубашках, на рукавах которых имелись красные повязки с изображением странного креста с загнутыми краями. Заметив Джеральдину, они обозвали ее «обезьяной» и «дочерью выроdkов», и женщина впервые ощутила небывалый страх.

– Убирайся из нашей благословенной Германии! – заорали типы в лицо Джеральдине, боровшейся со слезами. – Такие, как ты, заставляют страдать простой немецкий народ! Вы наживаетесь на его бедах!

Благо подросла полиция – молодчики исчезли. Дрожа и рыдая, Джеральдина отправилась домой, где поведала мужу об ужасном инциденте.

– А, это так называемые национал-социалисты, – ответил Альфред. – На выборах в рейхстаг нынешним летом они набрали больше тридцати семи процентов голосов, а на повторных выборах в ноябре скатились до тридцати с небольшим... Краснобаи и демагоги! Не обращай на них внимания, их время проходит.

Когда через некоторое время Джеральдина поехала в другую модную лавку, чтобы обсудить покрой платья для своего юбилея, к ней вышел хозяин – почтенный седой господин. Джеральдина часто прибегала к его услугам, и хозяин всегда радушно встречал ее. Однако в тот раз все изменилось – он не улыбался, лицо мужчины выражало крайнюю степень недовольства.

– Фрау Вайнгартен, – произнес он, делая ударение на фамилии Джеральдины, – должен разочаровать вас: я не смогу вам помочь.

– Вы хотите сказать, что не можете справиться с моим заказом? – в удивлении протянула женщина.

Хозяин потербил серебряную цепочку от часов и ответил:

– Не «не могу», а не хочу! Ваш муж – еврей, а мы не обслуживаем в своей лавке евреев с тех пор, как я вступил в национал-социалистическую немецкую рабочую партию.

Джеральдина заметила на стене портрет странного бледного человека с черной челкой и смешными усиками. Кажется, то и был австриец Гитлер, который недавно получил немецкое гражданство и являлся фюрером этих самых национал-социалистов.

– Но ведь еврей – мой муж, а не я сама! – беспомощно возразила Джеральдина.

– Вы сами – представительница цветной недорасы, – передернулся хозяин, – что еще хуже!

Джеральдина, наговорив хозяину дерзостей, ушла с гордо поднятой головой. В другой лавке ее встретили с распростертыми объятиями: еще бы, ведь она была очень выгодной клиенткой. Однако женщина никак не могла забыть о происшествии. Странно, но несколько приятельниц, которые раньше сочли бы за честь быть приглашенными на прием в дом Вайнгартенов, в ответ на приглашения прислали письма, извещавшие, что они не желают больше поддерживать контакты с семьей, в которой муж является евреем, а жена мулаткой.

Джеральдина решила не забивать себе голову подобной ерундой и занялась подготовкой незабываемого праздника.

Через какое-то время к ней пришла бонна ее сына, вся в слезах: она вместе с маленьким Джошуа прогуливалась в Тиргартене, и там их окружили наглые молодчики, внимание которых привлекла смуглая кожа мальчика. Узнав, что он сын банкира Вайнгартена, гитлеровцы заявили бонне, что ребенок является выкрестом и дегенератом, потому что его отец – еврей, а мать – негритоска, а таких, как он, необходимо убивать.

Джеральдина запретила бонне ходить в Тиргартен и предпочла тотчас забыть об инциденте. Наконец наступила долгожданная дата – 30 января 1933 года. В тот морозный понедельник все началось так, как и представляла себе Джеральдина: муж еще в постели поздравил

ее – выйдя из спальни, она обнаружила будуар, заполненный желтыми розами, своими любимыми цветами: их было никак не меньше нескольких сотен. Супруг преподнес ей сафьяновый футляр, в котором находилось самое роскошное изумрудное ожерелье, какое только доводилось видеть Джеральдине (изумруд был ее любимым камнем).

Весь день походил на сказку – Джеральдина готовилась к приему, назначенному на вечер. Незадолго до прибытия первых гостей облаченная в голубое платье Джеральдина прошла в кабинет мужа, чтобы тот, конечно же, сделал ей комплимент. Джеральдина была довольна тем, что беременность не слишком портит ее внешность, хотя она многое бы отдала, чтобы ребенок не мешал ей царить на празднике.

Альфред сидел за столом и смотрел в потолок, скрестив руки на груди. Джеральдина капризно спросила супруга:

– Фредди, почему ты ничего не скажешь о моем платье?

Муж, рассеянно взглянув на Джеральдину, как-то апатично промолвил:

– Ты, как всегда, великолепна.

Почувствовав – что-то произошло, Джеральдина приблизилась к Альфреду и с трепетом спросила, опасаясь худшего (разорения банка и предстоящей нищеты):

– Какие-то неприятности, Фредди?

– Как только что стало известно, рейхспрезидент фон Гинденбург назначил нового рейхсканцлера, – ответил муж.

Джеральдина, совершенно не интересовавшаяся политикой (ее занимали только политики, и то для того, чтобы иметь возможность пригласить к себе наиболее влиятельных и знаменитых), беспечно воскликнула:

– И что из того, Фредди? Забудь!

– Главой правительства стал Адольф Гитлер, – произнес муж. – Почти все уверены, что он не продержится и пары месяцев и сам себя демонтирует, после чего Франц фон Папен с триумфом займет потерянный им пост рейхсканцлера. Но мне Гитлер и его политика очень не по душе. И он не похож на человека, от которого так легко избавиться.

– Ах, да ну ее, политику! – заявила капризно Джеральдина и поцеловала мужа в щеку. – Гости начнут съезжаться через полчаса. И пожалуйста, не будь сегодня букой – никаких разговоров о новом канцлере, Фредди! Ведь у меня день рождения!

Прием удался на славу, несмотря на то что мужчины обсуждали новость дня – назначение Гитлера рейхсканцлером. Джеральдина купалась во всеобщем внимании и, без сомнения, блистала, являясь самой обворожительной дамой среди собравшихся. Маленького Джошуа, чтобы он не мешался под ногами, вместе с бонной отослали в детскую. После чествования именинницы и торжественного ужина имели место танцы. Джеральдина, как заметил Альфред, много смеялась и наслаждалась праздником, где была в центре внимания.

Альфред пригласил ее на медленный танец, и они закружились в полумраке огромного бального зала. Взгляды гостей были устремлены на них – самую красивую пару на приеме. Альфред прошептал на ухо жене:

– Я тебя так люблю...

* * *

В тот момент в зале вдруг вспыхнул верхний свет, послышались крики, музыка заглохла. Альфред и Джеральдина в недоумении остановились посреди зала. Большие двери были распахнуты, слуги в страхе пятились, уступая дорогу какой-то женщине. Особа была нелепо одета – давно вышедшее из моды пальто, старая шляпка набекрень, растрепанные волосы.

– Я хочу видеть его! – раздался истошный крик.

Альфред похолодел. Он узнал голос, который не слышал уже много лет и который не чаял услышать еще когда-нибудь в жизни.

Гости расступились, пропуская странную особу к чете Вайнгартен. Женщина с горящими глазами и бледным лицом, с искривленными злобой губами топнула ногой и воскликнула:

– Вот, оказывается, чем вы занимаетесь! Что, Альфред, не рассчитывал увидеть меня снова?

– Кто она такая, Фредди? – спросила Джеральдина, обеспокоенная тем, что незнакомка может сорвать ей прием.

– Моя бывшая невеста, – ответил тот вполголоса, – София фон Минхов. Разрешите, я сам все улажу...

Альфред сделал несколько шагов по направлению к Софии. О своей несостоявшейся жене он знал, что та перенесла нервный срыв, долго лечилась в Берлине, потом за границей, наконец вернулась в Германию, где была помещена в санаторий для душевнобольных. София так и не смогла оправиться после того, как жених оставил ее прямо перед алтарем.

– Стоять! – завизжала София и вынула руку, которую до сих пор держала в кармане пальто. Гости охнули – женщина сжимала пистолет.

– Он заряжен! – захохотала София. – Шесть патронов!

Гости и слуги начали осторожно отступать, оставляя Альфреда и Софию наедине.

– Рад видеть тебя... – произнес довольно растерянно Альфред, не без опаски взирая на оружие.

– Я прочла о празднике в газете, – сообщила София. – Вообще-то нам в лечебнице запрещено читать свежую прессу, но я нашла забытую одной из медсестер газету. И там черным по белому было написано, что твоя жена отмечает свой день рождения. Хм, твоя жена... Я должна была стать твоей женой, но ты меня бросил!

Голос Софии дрожал, по лицу текли слезы. Альфред надеялся, что кто-то из слуг догадался вызвать полицию. Как так получилось, что умалишенная сбежала из лечебницы и оказалась на приеме, да еще с огнестрельным оружием?

– София, мне очень жаль, – продолжал Альфред, – безусловно, я поступил с тобой мерзко и недостойно. Ты заслуживаешь гораздо более порядочного и честного человека, чем я...

– Замолчи! – взвизгнула София. – Мне нужен только ты! Я так люблю тебя, Альфред! И скажи, ты ведь меня тоже?

Альфред обернулся на застывшую, как статуя, Джеральдину, на испуганных гостей и растерявшихся слуг.

– Прошу тебя, София, успокойся. Давай пройдем со мной в кабинет и там все обсудим. Хочешь целебного чая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.